

СМЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1976

ПЕСНЯ - ВЕРНЫЙ ДРУГ ТВОЙ НАВСЕГДА

...И ЖИТЬ ШОМЮ

С. ТУЛИКОВ. Каковы основные отличительные черты советской песни? Идейная глубина, высокие художественные достоинства, народность. Все это должно ощущаться в самой музыкально-поэтической песенной ткани. К сожалению, как мне кажется, в иных песнях, созданных в последнее время, музыкальная сторона нередко слабее поэтической. И эта облегченность музыкального языка не может не тревожить...

А. КОННИКОВ. В 1953 году ко мне — я был главным режиссером Мосэстрады — привели молодого композитора, студентку консерватории. Вот такую маленькую девочку. Я с удивлением смотрел на нее и думал: «Ну, что она может написать?» Потом на табуретку у рояля положили высокую стопку книг, потому что этой девочке было низко сидеть... Но когда она заиграла, я почувствовал, что присутствую при рождении МУЗЫКИ.

С. ТУЛИКОВ. Пахмутова?

А. КОННИКОВ. Да, это была Александра Пахмутова.

С. ТУЛИКОВ. Я понимаю, что вы хотите сказать. В каждой песне Пахмутовой есть свежая музыкальная мысль, навеянная традициями русской классики. Скажем, Рахманиновым, Чайковским. Не будем бояться их упомянуть. Конечно, нет никакого подражания, но какие-то корни просматриваются, какие-то огоньки, зажженные классиками, издавна сверкают. Пахмутова, я считаю, — выдающийся композитор, пример для многих.

А. КОННИКОВ. Лидер.

С. ТУЛИКОВ. Да, надо признать. Ее творчество несет в себе художественные решения, воспитывающие хороший вкус.

А. КОННИКОВ. Причем надо сказать и о разноплановости: у нее есть и героическая песня...

С. ТУЛИКОВ. У нее есть разные песни, и в каждой ощутима большая музыкальная культура, обретенная в стенах консерватории.

А. КОННИКОВ. Кстати, одна из наших бед — жанровое однообразие эстрадных песен. Нам нужны разные жанры: добродушная

шутка, сатирическая песенка, эксцентрическая, танцевальная — да мало ли? Необходимо веселая песня, ее очень не хватает. А у нас некоторое время назад все немощно шарханулись в одну сторону: «густо шла» патетическая лирика...

С. ТУЛИКОВ. Иначе говоря, эстрадная баллада с речитативным запевом и патетическим, экспрессивным припевом. Обычно брались содержательный текст и решался облегченными музыкальными средствами. Как правило, первая половина была разговорной: где-то спел, где-то сказал...

А. КОННИКОВ. Где-то задумчиво склонил голову...

С. ТУЛИКОВ. Но этим уже сыты...

А. КОННИКОВ. Или вторая форма — с таким, знаете, полудыганским разгоном...

С. ТУЛИКОВ. Да, с раскачкой. Но я вам скажу, в чем причина жанрового однообразия. Дело в том, что существует классический способ написания песни: музыка сочиняется на готовый текст. И от того, какие стихи принесет поэт, зависит и жанр будущей песни. А ведь есть и другой способ, не менее эффективный, когда композитор, не ожидая появления текста, который бы его вдохновил, пишет музыку. Для этого он должен чувствовать стихотворный размер.

А. КОННИКОВ. Стихотворную форму.

С. ТУЛИКОВ. Это тонкая вещь. Потому что можно написать такую музыку, для которой никакой текст, кроме абракадабры, не подойдет.

А. КОННИКОВ. Такие примеры мы знаем...

С. ТУЛИКОВ. К сожалению. Но известно, что в результате подтекстовки родились и многие хорошие песни, хотя «вгонять» текст в музыку — адская работа.

А. КОННИКОВ. Недавно, Серафим Сергеевич, меня пригласили на концерт одного ансамбля. Когда ансамбль начал играть, то немногие люди пожилого возраста, находившиеся в зале, быстро ушли.

С. ТУЛИКОВ. Значит, что-то их, Александр Павлович, отпугнуло?

А. КОННИКОВ. Форсированное звучание. Шум взлетающего реактивного самолета — сто двадцать децибел. А шум, создаваемый вокально-инструментальным ансамблем и усиленный электронной аппаратурой, тоже доходит до ста и более децибел.

С. ТУЛИКОВ. Громкость вряд ли можно считать важнейшим критерием в оценке музыкального искусства.

А. КОННИКОВ. К тому же в репертуаре этого ансамбля почти не было произведений советских композиторов.

С. ТУЛИКОВ. Плохо. Ведь опыт показывает, что есть у нас произведения, которые имеют успех у ансамблей. Я знаю, «Пламя», «Самоцветы» играют и Фрадкина, и Богословского, и Шаинского.

А. КОННИКОВ. «Поющие сердца», по моему, и Пахмутову играют...

С. ТУЛИКОВ. Вот-вот! Такого рода авторы и должны быть в основе репертуара.

А. КОННИКОВ. Но, может, этого мало? Может, нужно специально писать для таких ансамблей?

С. ТУЛИКОВ. Конечно. Ведь от автора, от его мастерства и вкуса зависит лицо коллектива. Я вам даже больше скажу: свою лепту должны внести и издательства. Изучив репертуар хороших ансамблей, они должны публиковать лучшие обработки, лучшие аранжировки из их репертуара. Издавать те сочинения, которые отвечают нашим идейно-политическим и художественным критериям. Ансамблей у нас много — тысячи, а брать пример можно только с нескольких. Вот эту «эталонику» и надо распространять, наделяя лучшими образцами остальных.

А. КОННИКОВ. Мы вспомнили два хороших ансамбля, а их, конечно, значительно больше. Очень интересны, на мой взгляд, «Песняры», «Ариэль», получивший первую премию на последнем Всесоюзном конкурсе.

С. ТУЛИКОВ. У каждого из них есть что-то свое, в большей или меньшей степени.

А. КОННИКОВ. Когда есть свое лицо, тогда можно говорить о явлении искусства. А не

настало ли время устроить фестиваль таких ансамблей?

С. ТУЛИКОВ. Это уже делалось, только по другому поводу. В основном для того, чтобы оценить профессиональный уровень. Разумеется, обращали внимание и на репертуар. Но все шло «крупным помолом». А теперь надо идти в глубь жанра, исследовать его. Наверное, была бы целесообразной конференция, посвященная проблемам вокально-инструментальных ансамблей.

А. КОННИКОВ. Знаете, всякий раз, когда речь заходит об эстраде, невольно вспоминаешь, что половина артистов — исполнители песни: либо коллективы, либо солисты. А когда говорят «песня», рядом обязательно возникает другое слово — «ответственность». Не только поэта и композитора, но и исполнителя.

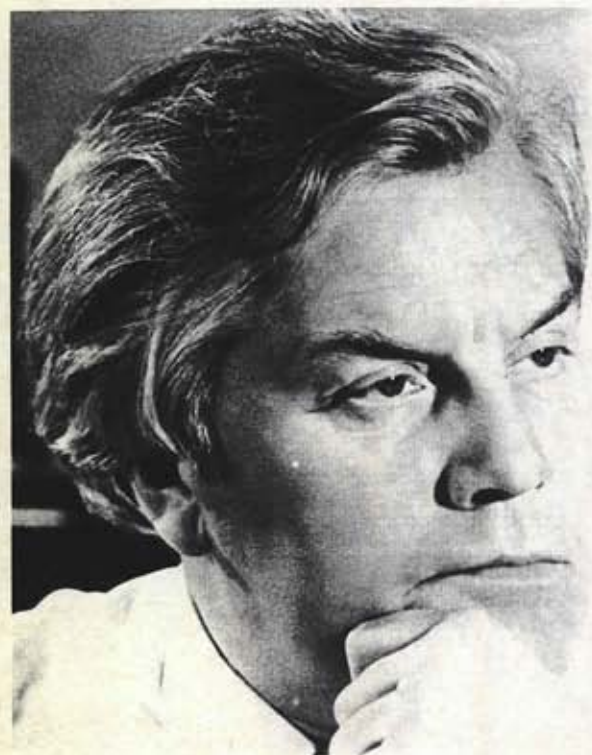
Сейчас песня шагнула далеко вперед — в популярности, в тираже. Песня сопровождает нас всюду — звучит по радио, по телевидению, на многих предприятиях даже работают под музыку. Все пронизано песней! Это та атмосфера, в которой мы живем и работаем. Какова же ответственность исполнителя — я сейчас говорю только о певцах — за то, что он вкладывает в умы и души людей! Зритель ведь замечает все — начиная с того, как артист стоит на эстраде, как движется...

Анатолий Дмитриевич Паланов как-то сказал: «Некоторые певцы, пока не набегает определенного километража по эстраде, не считают свою задачу выполненной...»

С. ТУЛИКОВ. Сейчас за рубежом очень моден стиль варьете. Певец варьете — это и солист, виртуозно исполняющий на фортепиано какие-то наигрыши, и композитор, и певец, который, конечно, движется по сцене.

Вот он поет, держа в руке микрофон, пританцовывая и передвигаясь по эстраде, а за ним извивается «хвост» от микрофона. Потом садится за рояль и играет. Затем вступает оркестр — звучит фрагмент из только что исполненного на фортепиано сочинения... И так далее.

А. КОННИКОВ. Но это не единственная манера поведения на эстраде. Да, один и поет,

Уроки жизни
Серафим ТУЛИКОВ,
народный артист РСФСР,
председатель правления
Московского отделения
Союза композиторов РСФСР

Александр КОННИКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР,
главный режиссер
Государственного театра
эстрады

Фото Бориса ЗАВВИЛЯ

и танцует, и играет. А другой может найти свой стиль как раз в «неподвижности». Артист должен исходить из своей индивидуальности. Здесь я хотел бы привести в пример Мирей Матье. Когда она приезжала в Москву, то «просто» пела, но вот мы видели по телевизору два ее концерта, снятых на пленку во Франции,—здесь Мирей Матье уже и двигалась и танцевала.

С. ТУЛИКОВ. Искусство—вечный поиск...

А. КОННИКОВ. К сожалению, некоторые наши исполнители почти не ищут, эксплуатируя один раз найденное решение.

С. ТУЛИКОВ. Работают «на обмолоте»: что-то однажды посеяли, а потом только снимают урожай. Посева нового нет, а обмолот идет. Есть такое выражение у певцов, которые с нами работают. Иногда спросишь: «Ну, как? Такой-то растет?» «Да нет—«на обмолоте»...

А. КОННИКОВ. Причин, почему не растет артист, много, но одну можно сразу назвать: при великом обилии концертных площадок—дворцов спорта, дворцов культуры, театров и прочего—нашей стране, по самому элементарному подсчету, нужно в четыре-пять раз больше артистов, чем есть сейчас. Я имею в виду, конечно, артистов хороших.

С. ТУЛИКОВ. Наверное. У нас на эстраде не так уж много «звезд»—будем, не боясь,

называть их так. Поэтому между ними нет конкуренции.

А. КОННИКОВ. О какой конкуренции можно говорить, когда их разрывают на части?

С. ТУЛИКОВ. А здоровая конкуренция должна быть. Вот я знаю: если меня пригласили написать музыку, а я не сумею этого сделать, сейчас же пригласят другого, третьего, пятого. Моего плана. А здесь—нет, он один такого плана. Он своего рода монополист и порой неуправляем.

А. КОННИКОВ. Любой, даже самый талантливый человек нуждается в авторитетном режиссере, чьим советам он доверял бы. Но такое содружество на эстраде—редкость. Молодой зритель сам выбирает себе кумира и начинает бездумно подражать его манере. Раз что-то звучит по радио или показывается по телевидению, решает этот молодой человек, значит, сие есть образец. Не только этот ритм хорош, но и этот пиджак и платье. И тогда какой-нибудь юноша цепляет себе брошку на грудь и надевает кружевные манжеты только потому, что вчера он видел их на любимом певце!

С. ТУЛИКОВ. Талант, особенно большой талант, обладает прямо-таки гипнотической силой воздействия на некоторых людей. Зритель ведь воспринимает не только голос

любимого певца. Сознательно или бессознательно, но он подпадает под влияние личности артиста, впитывает в себя его отношение к миру. А оно проявляется не только в исполнительской манере, но и в том, как артист одевается, как общается со своими партнерами-музыкантами и со зрительным залом.

Эмоциональное воздействие певца на слушателя не прекращается в тот момент, когда артист, раскланявшись, покидает сцену. В душах его почитателей продолжают жить не только мелодия и ритм, но и сам образ любимого исполнителя. И если певец перешел грань, отделяющую артистическую свободу поведения на сцене от развязности и вульгарности, то не исключено, что слушатели, прежде всего молодые, вынесут с концерта именно эту развязность и вульгарность. И я не удивлюсь, если узнаю, что кто-то из них после концерта, садясь, скажем, в автобус, грубо оттолкнул старика или оскорбил девушку.

Мы не должны забывать, что эстетическое воспитание—часть общего коммунистического воспитания. Поэтому наши популярные певцы должны сознавать, сколь ответственно и сколь важно их искусство. Ведь люди с предельной искренностью и доверчивостью открывают им свои сердца...

А. КОННИКОВ. Я согласен, что сегодня эстрадный певец участвует в формировании

внутреннего мира своих слушателей. Но идет и другой процесс. Публика тоже оказывает на артиста сильное воздействие. Ведь одобрение зрителем той или иной интонации, того или иного жеста убеждает певца в их правомерности. Артист рассуждает так: меня принимают—значит, все, что я делаю, прекрасно. И если кто-то попытается доказать ему, что в этой, например, торжественной и патетической песне эквилибристика с микрофоном неуместна, он может возразить: «Но публике-то нравится!»

Поэтому я хотел бы обратиться к тем, кто слишком щедр на выражения своего восторга: цените свои аплодисменты и строже относитесь к артистам эстрады. Только этим вы по-настоящему поможете им, ибо ваша высокая требовательность—это именно тот ориентир, который необходим артисту.

С. ТУЛИКОВ. Частые выступления певцов по телевидению дают нам возможность изучить их досконально. Артисту иной раз и в голову не приходит, что зрители знают чуть ли не каждый его жест. Частое появление на экране иногда бывает причиной того, что артист перестает пользоваться успехом: в нем раз от разу все меньше новизны, и зритель ясно видит, что артист только «обмолачивает».

Кстати, некоторые исполнители, считая нужным, так сказать, дополнить образ, начинают помогать себе мимикой, форсируя все,

Наша обложка:
коллектив
художественной
самодеятельности
профтехучилища
из города Георгиу-Деж
Воронежской области.

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ

УРОКИ ЖИЗНИ.

Диалог народного артиста РСФСР, председателя правления Московского отделения Союза композиторов РСФСР Серафима ТУЛИКОВА и заслуженного деятеля искусств РСФСР, главного режиссера Государственного театра эстрады Александра КОННИКОВА.

3 Документальная повесть Гария НЕМЧЕНКО
«БЫЛО НА ЗАПСИБЕ...»

5 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«ДИРЕКТОР ЛИХАЧЕВ».

8 Рассказ Леонида ФРОЛОВА «ДЕВКИ ПРИЕХАЛИ».

12 «МОНРЕАЛЬ: ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ. К КОНЦУ
ДНЯ — ЯСНО».

15 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

16 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«АРГУС» УХОДИТ ПОД ВОДУ».

18 МИР БЕЗ БУДУЩЕГО.
«СТРАНА-ГАРНИЗОН: КУЛЬТ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОСТИ».

20 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«СВЕТ ЗОЛОТОГО ПЛЕСА».

22 Стихи Станислава КУНЯЕВА.

25 Юмористический рассказ Владимира СВИРИДОВА
«СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ».

26 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Сергей АБРАМОВ. «ВИШНЕВЫЙ САД».

28 Роман Богомила РАЙНОВА «БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов,
В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко,
В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рож-
дественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов,
А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин,
Д. Н. Филиппов, О. Н. Шестинский.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

с Издательство «Правда», «Смена», 1976 г.

что только можно. И порой так неумело и фальшиво это делают — а телевизор дает возможность все заметить, — что ничего, кроме отвращения, не вызывают.

В певце ведь что дорого? Обаяние, проникновение в душу зрителя, а это должно быть заложено в самом голосе. Вот Зыкина, например, не использует всякого рода мимические «допинги».

А. КОННИКОВ. Потому что природа наделила ее внутренним богатством.

С. ТУЛИКОВ. У нее есть в самом голосе удивительная притягательность. А если вы будете мимически добавлять, а задушевности в голосе у вас нет и вообще таланта маловато, то уж лучше, не делая лишних движений, петь естественно, как дано вам природой. Словом, «мимическая сторона» некоторых наших исполнителей подводит. Сидя у телевизора и видя их крупным планом, зритель вдруг замечает, что один певец делает странные движения челюстью, как будто дожевывает котлету, другой — неестественно шевелит губами. Особенно когда они поют под фонограмму...

А. КОННИКОВ. О! Я только хотел об этом сказать...

С. ТУЛИКОВ. Одновременная съемка певца и запись голоса — «живьем» — сейчас на телевидении обычно не ведется. Что делают? В студии включается фонограмма, певец только открывает рот. А пение делается фальшивым, и вот почему. Например, у баритона фа-диез — очень высокая и трудная нота — это кульминация, где даже в лице напряжение. Такая нота — стекла дрожат, а он себе стоит и улыбается, как будто колыбельную поет.

А. КОННИКОВ. В голосе-то звучит напряжение, а лицо...

С. ТУЛИКОВ. А лицо спокойно. Значит, и под фонограмму надо петь по-настоящему. Твое пение должно эмоционально соответствовать телевизионной «картинке». Это тоже искусство — петь под фонограмму.

А. КОННИКОВ. Есть же еще одна элементарная вещь — сопереживание. Но о каком сопереживании может идти речь, если фонограмма записана полгода назад, а во время передачи зритель видит: у певца на съемке совсем другие переживания — попасть бы «губами в слово», и на телевизионном крупном плане это четко видно.

Мы получаем множество писем, в которых зрители резко критикуют некоторых наших исполнителей. Но они же говорят о том, что во многих бедах виноваты мы, работающие в этом жанре искусства. Что мало ищем. Мало выдвигаем молодежь.

С. ТУЛИКОВ. Может быть, так оно и есть.

А. КОННИКОВ. А как же! Действительно, единицы приходят. Но зрители упрекают нас, и вполне справедливо, еще и в другом. Недавно я присутствовал на прослушивании студентов старших курсов отделения музыкальной комедии ГИТИСа, где кафедрой вокала руководит Понтрягин, в прошлом известный певец радио. Я прослушал. Пятнадцать юношей и девушек исполняли советские песни. Должен вам сказать, среди них было немало перспективных. Как раз сейчас время их специализировать.

С. ТУЛИКОВ. Теперь, когда они получили элементарные навыки, должна начаться шлифовка «в плане» конкретного жанра.

А. КОННИКОВ. Надо бы иметь возможность сказать: вот вы или вы — прошу в стажерскую группу. Или в студию...

С. ТУЛИКОВ. В студию, в студию...

А. КОННИКОВ. Или в мастерскую эстрадного вокалиста. А ничего подобного, увя, пока нет. Вот о чем пишут зрители: нам нужна СИСТЕМА подготовки эстрадного певца.

С. ТУЛИКОВ. Вопрос о создании вокально-эстрадной студии давно назрел. И нужно, конечно, собраться с силами и найти средства и возможности, чтобы такую школу организовать.

Западные певцы обычно берут аполитичные сюжеты для своих выступлений. У нас же искусство идейное, поэтому мы должны исполнителей легкого жанра, который, как мы все знаем, является, безусловно, одним из самых трудных, воспитывать в нужном нам идейно-художественном «ключе».

А. КОННИКОВ. Я думаю, здесь не надо чураться никаких путей. Должны быть и студии при концертных организациях, и всевозможные конкурсы молодых исполнителей, и кружки в самодеятельности, и наставничество — вот как сейчас в промышленности. Мы должны использовать все пути.

Что касается студии, то она могла бы объединить людей, обладающих педагогическими способностями. Вечно на эстраде не простишь: возраст есть возраст. И многие эстрадные вокалисты, уже сегодня переживающие трудный период, возможно, могли бы найти себя в педагогике.

Пусть не покоробит вас сравнение положения дел в искусстве и в спорте. В хоккее или в футболе, скажем, многие выдающиеся спортсмены, отыгравшие свой срок, переходят на тренерскую работу. А почему эстрадный вокалист должен уйти и никого ничему не обучить? Не воспитать себе смену? Ведь если даже из десяти один окажется способным педагогом — это уже нечто.

С. ТУЛИКОВ. Верно...

А. КОННИКОВ. Я хотел поделиться с вами одной мыслью. В прошлом году, размышляя над спектаклем, посвященным 30-летию Великой Победы, я перебрал в памяти песни военных лет. Я прошел в войну путь от солдата до офицера и хорошо помню, что мы пели не только песни, которые знала вся страна, но и собственного сочинения. В каждой дивизионной газете был свой человек, писавший стихи. В каждом взводе был свой Вася Теркин... И вот о чем я подумал: мы прекрасно знаем стихи и песни, написанные поэтами и композиторами, а вот с фольклором войны знакомы слабо. Так не настало ли время собрать его по крупицам, пока живы участники войны, пока это поколение среди нас?

С. ТУЛИКОВ. Очень хорошая мысль.

А. КОННИКОВ. Как мы собираем старинную русскую песню? Организуются специальные экспедиции, и это правильно. Но ведь старинные песни мы слышим уже из вторых, третьих, десятых уст. Нынешним прабабушкам эти песни когда-то пели их прабабушки. Естественно, что-то из того, что должно бы сохраниться в веках, за это время утеряно. Не пора ли организовать сбор военного фольклора по-настоящему? Поговорить с участниками войны, побывать на слетах ветеранов, записать и шутку, и частушку, и песню.

С. ТУЛИКОВ. На одной из декад я видел даже книжечку «Окопные песни», так что опыт такого начинания уже есть. Хотя и говорят: чтобы лучше представить себе грандиозную картину, надо отойти от нее, — все же особенно далеко отходить не следует.

А. КОННИКОВ. А то ничего не увидишь! «Окопных песен», о которых вы говорите, было очень много. Помню, часто писались новые слова на мелодию известных песен — со «своими» темами, понятными, скажем, именно на этом участке фронта. Было огромное количество частушек — и остроумных и злых...

С. ТУЛИКОВ. Война — огромнейшее испытание, и поэтому человек реагирует на нее всей гаммой чувств. Я считаю, что ваше предложение очень разумное и правильное. У нас есть фольклорная комиссия — вот ее-то и надо ориентировать на сбор фольклора времен войны. Но этого мало. Нужна, мне кажется, специальная кампания, поддержанная ЦК комсомола и творческими союзами — композиторов и писателей.

Я думаю, что в результате мы узнаем много новых песен. Даже если песня несовершенно, профессиональные композиторы могут «довести» ее. Музыкальный фольклор послужит в будущем материалом для создания симфонических и других сочинений, в частности для духового оркестра, очень любимого народом.

А. КОННИКОВ. В итоге лучшие произведения могут прозвучать и по телевидению — для миллионов.

С. ТУЛИКОВ. Я думаю, телевидение не откажется предоставить нам такую возможность. Главное здесь — начать...

Запись диалога
Григория ЦИТРИНЯКА.

Было на Запсибе...

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

пять затем были будни.

Иной раз мы заезжали в контору поздно вечером, когда там уже давно было пусто. Коля перебирал оставленную для него стопку деловых бумаг, а я медленно ходил из угла в угол, останавливался напротив окна, глядел в ночь, потом возвращался к столу, трогал стоявший на нем макет конвертера — память о пуске первого на Запсибе,— и крошечная стальная «груша» тихонько покачивалась и опять замирала.

Иногда, пока он бывал занят, я листал свой блокнот, просматривал сделанные днем коротенькие записи. Нашел как-то страничку, на которой было: «Скачков—Гарнак. Лестница». Это вместе с Семеном Скачковым, тоже старым знакомым, припоминали в тот день его послужной список: шофер бензовоза—линейный механик по кранам—загар—начальник участка механизации—начальник монтажного участка. Все эти ступени—одна в одну—прошел вслед за ним нынешний главный механик управления Борис Гарнак. Сел после Скачкова в кабину его бензовоза, принимал потом от него дела в гараже... Я вдруг припомнил Ивана Сергиенко, спросил у Коли:

— Так он, выходит, уже третий на этой «лестнице»?

— Только не с бензовоза начинал—с крана,—и прищурился.—Он же был сосед, на одной площадке жили. Сперва ругался: ходить к тебе не буду. Как ни придешь, ты все про технику. Три года его убеждал, допек-таки. И два года потом с курсовыми помогал—отрабатывал за то, что мне тоже хорошие люди помогали. А потом наш Иван как взялся! Я открыл в блокноте чистую страничку, снял с ручки колпачок:

— Дай запишу, где сейчас ребята из бывшей твоей бригады.

Коля стал загибать пальцы:

— Тертышников, это ты знаешь,—заместитель начальника «Стальконструкции». Толя Шаталов в Лебединске теперь, стал, видишь, специалист по горно-обогатительным, все ГОКи строит. Сергей Шклянюк тут. Зам. главного инженера «Тац-Строй». Коля Семенюк и Саша Косарев мастерами в нашем управлении. Лыткин Миша мастером в Липецке... В общем, переквалифицировался пока один Иван Перетяшко: построил под Днепропетровском аглофабрику и остался в эксплуатации—прислал недавно письмо...

Шевченко, видно, что-то припомнил и взялся за телефон, а я записал последнюю фамилию и задумался: часто ли вспоминают ребята об этой своей бригаде? Наверно, часто, если друг другу пишут. И, как знать, может, память о старой дружбе помогает им и сегодня? Даже тем, кто сейчас от Антоновской далеко...

С Шевченко мы договорились, что перед самым пуском конвертерного он пришлет телеграмму: кому, если не ему, лучше многих других будут известны те самые «реальные» сроки?

И зимой я нет-нет да и вспоминал об этом нашем уговоре и все представлял себе, как опять полечу в Новокузнецк, на Антоновскую площадку, как увижу друзей. Посматривал иногда на монтажную каску, которую привез со стройки. Я, конечно, получил ее, свою законную, причем не намекал, не кланялся, не выдыхал, а честно дождался—подарили Коляны «смежники», ребята из «Сибстальконструкции». Каска была пластмассовая, черная, красивой формы, и спереди на ней было выцарапано: «Джезказган—Темир-Тау—Запсиб». Куда только хлопцев не забросит!

И хоть каска была из «Стальконструкции», я признаюсь, все больше думал о механомонтажниках, рядом с которыми был в свой последний приезд, хотел о них написать и перебирал в памяти детали, ворошил подробности...

Как-то очень долго просидели мы с секретарем партийного бюро Александром Азаровым. Он прекрасный рассказчик и жизнь управления знает до тонкостей, работает в нем давно, и судьба его во многом похожа на Колину: родился и вырос на Кубани, жил в Ширванской, в Новопокровской, в Апшеронске. На Антоновской был начальником комсомольского штаба на строительстве коксовой, вторым секретарем райкома комсо-

мола. Оттуда ушел в бригаду Петра Казенного, окончил техникум, стал мастером и снова теперь вернулся на общественную работу. Монтажу по-прежнему предан всей душой. Это он мне в тот раз с жаром доказывал, что монтажники, хочешь или не хочешь,—гвардия стройки.

— Возьми строительные управления. Есть хоть одно, которое позволило бы себе отбирать народ так, как мы его к себе отбираем? Мы из пяти, что идут с заявлением, принимаем только одного—у нас конкурс. И если парнишка стоит потом рядом с другими, когда посвящают в монтажники, его же распирает от гордости! Кто-нибудь из наших ветеранов, при орденах по такому случаю, конечно, вручает каждому комплект амуниции: свернутая роба, на ней новенький монтажный пояс, а поверх всего—каска с подшлемником... Бери, браток! Мальчишка все это счастье держит на вытянутых руках, одним глазом косит на утешительные сагоги с пряжками, вторым—на начальника, а Николай Петрович, знаешь, как? Одну бровь дугой, зыркнет и командным голосом: каждому приказываю забрать сегодня спецовку домой. Примерить. По фигуре подогнать. Чтобы видно было: монтажник! Орел! Всем ясно? Повторять не надо? А этим запрети, они унесли бы, а тут приказ! Примерка—дело, понимаешь, десятое, не в этом главное. А штука в том, что мальчишка во все монтажное облачится да целый вечер перед зеркалом простояет. А вокруг и папа с мамой и братишка с сестренкой, если есть, а то и соседи зайдут: «Боряка-то, батюшки, монтажник истинный!» Да он же в каске в этой и спать ляжет. И пояс с себя не снимет, к спинке кровати им на ночь пристегнется. А потом, знаешь, что? Никогда не видел? Лишний карабинчик у кладовщика выпросит, себе на пояс прицепит. Так и на танцы пойдет...

Я не удержался:

— Это зачем?

— А вот как раз за этим. Чтобы всякие штатские сразу видели!

И так мне горячо Саша Азаров это, насчет гвардии, доказывал, что речь его я почти целиком вставил в повесть о монтажниках, которую писал той зимой.

Сидел за столом, посматривал на каску, вспоминал об этих зеленых мальчишках и посмеивался: сколько у них в жизни будет еще всякого, пока о ком-то из них Шевченко скажет и с легкой грустью, может быть, и с гордостью, так же, как о нем—управляющий трестом, сам «папа» Толчинский?

Как-то мы с Колей допоздна задержались в вагончике на участке Казенного, и он просматривал чертежи, а я уже отдышал, опять неторопливо итожил свои встречи да разговоры. В тот день вместе с начальником второго стройуправления треста «Кузнецкметаллургстрой» Марком Хиславским, тоже моим старым другом, мы долго ходили по участкам, где работали бетонщики, и он рассказывал о своих ребятах, и, конечно, похваливал их, и гордился, но, чтобы не хватить через край, тут же начинал посмеиваться: «Один месяц у нас знамя, другой—у «Стальконструкции». Только у них отберем—опять они у нас отбирают. Я Бугакову с Тертышниковым: «Братцы! Надо нам наконец решить этот вопрос раз и навсегда. Кто умеет работать лучше? У кого в управлении бильярдный стол поновой? У нас—значит, у нас соберемся, если у вас—давай у вас. Команда на команду...»

Я рассказал об этом Коле, и он, не оторвавшись от чертежей, кивнул:

— Это они молодцы. Здорово придумали.

— Да,—подхватил я,—хоть немножко развеваться...

Теперь он приподнял голову:

— Тут в другом. Пусть привыкают к бильярду. И Хиславский. И Бугаков с Тертышниковым. Только это им скоро и останется. Чтобы выяснять отношения...

— В смысле?

— Фронт у нас теперь есть, и мы уже сели прочно. Так что знамя теперь будет у нас. Месяц там... месяц тут. Что это—эстафета? Это знамя. Взял, так держи!

Глядя на Колю, я с сомнением покачал головой, и он только тут слегка улыбнулся.

— Не веришь? А ты спроси, как было перед этим на мелкосортном. Девять месяцев подряд—знамя. Под конец уже стало, как бы тебе сказать, ну, не то чтобы надождать...

И я теперь вспоминал эти слова и думал: так ли все, как предсказывал Коля?

Вместо «Металлургстрой», который я регулярно получал из Новокузнецка перед этим, почтальон бросал теперь в ящик другую газету, ежедневную двухполоску «Кузбасс на Запсибе». Это значило, что на конвертерном уже настали горячие деньки.

Я тут же разворачивал сложенный до размеров почтового конверта листок, прочитывал от корки до корки, искал знакомые имена и фамилии—как там ребята?

«Генподрядному управлению треста «Кузнецкметаллургстрой» на главном корпусе предстоит сдать тридцать пять актов. Сдан один. М. Хиславский, уйдя на другую должность, так и не смог объяснить, почему сложилась подобная ситуация. Даже пробовал доказать начальнику НМУ-2 треста «Сибметаллургомонтаж» Н. Шевченко, что, мол, на «нуле» бетонщики целиком и полностью рассчитались...»

Ну, думал я, недаром у Марка не прошел номер, не на того, конечно, напал: Коля тоже не промах.

«Новокузнецкое управление № 2 треста «Сибметаллургомонтаж» (тов. Шевченко) запалило костры на 36-метровой высоте...»

Значит, думал, на нашей стройке опять холода, иначе разве бы стали хлопцы баловаться?

«Тревожит положение с завалочными машинами. Второе управление «Сибметаллургомонтаж» (начальник Н. П. Шевченко) еще не приступало к их сборке...»

Что ж вы там, братцы?!

Странное это дело—прислушиваться к тому, что происходит за пять тысяч километров!..

Ходишь по улицам, читаешь газеты, смотришь в ночь за окно, и вдруг неожиданно приходит мысль, что там, на стройке, идет беспрерывная работа, идет и идет... Куда-либо едешь, сидишь перед телевизором, с кем-то говоришь, провожаешь глазами крошечный самолет в высокоом небе, и снова, неожиданно толкнув сердце, является это ощущение торопливого ритма, которым живет Запсиб...

Телеграммы от Коли я так и не дождался, а тут и самого закружили дела, случилась одна поездка, другая, и дома у меня росла стопка непрочитанных газет с Антоновки. О том, что второй конвертерный на Запсибе дал сталь, я услышал по Центральному радио, но потом, когда снова приехал в Новокузнецк, когда вдохнул знакомые запахи и снова до мозга костей сделался тем самым начинавшим тут чуть ли не с палаток записибовским «стариком», мне стало обидно: как же так? Такое событие—и вдруг без меня!

С Колей Шевченко, оставив его машину, мы медленно шли к конвертерному, и цех стоял впереди—как будто всю жизнь тут и стоял.

Был холодный декабрьский день, сухой снежок то посыпал негусто, а то вдруг, подхваченный ветром, начинал кружить, и тогда в белой замети впереди ровные дымы над высокою крышей становились особенно, почти по-домашнему тихими, и цех, уже обжитой, уже набравший живого тепла, казался, несмотря на гигантские размеры, таким уютным и таким мирным...

Мне теперь показалось, все дело в том, что я не получил телеграммы: разве не отложил бы я все дела? Разве не прилетел бы?

И я укорил Колю:

— Чего же не сообщил, как договаривались?

Он только что прилетел из Липецка, где его управление помогало сдать такой же, как наш, конвертерный, и теперь, как бы сам с собой рассуждая, негромко сказал:

— Галерею видишь? И коммуникации под ней. У них в Липецке такую отдельный трест строил. А у меня в управлении это была второстепенная работа...

— Почему телеграмму, говорю, не дал?

Он как будто не слышал:

— А тракт, видишь? У них целое управление такой монтировало, а у нас и это мое.

Я все не хотел отставать:

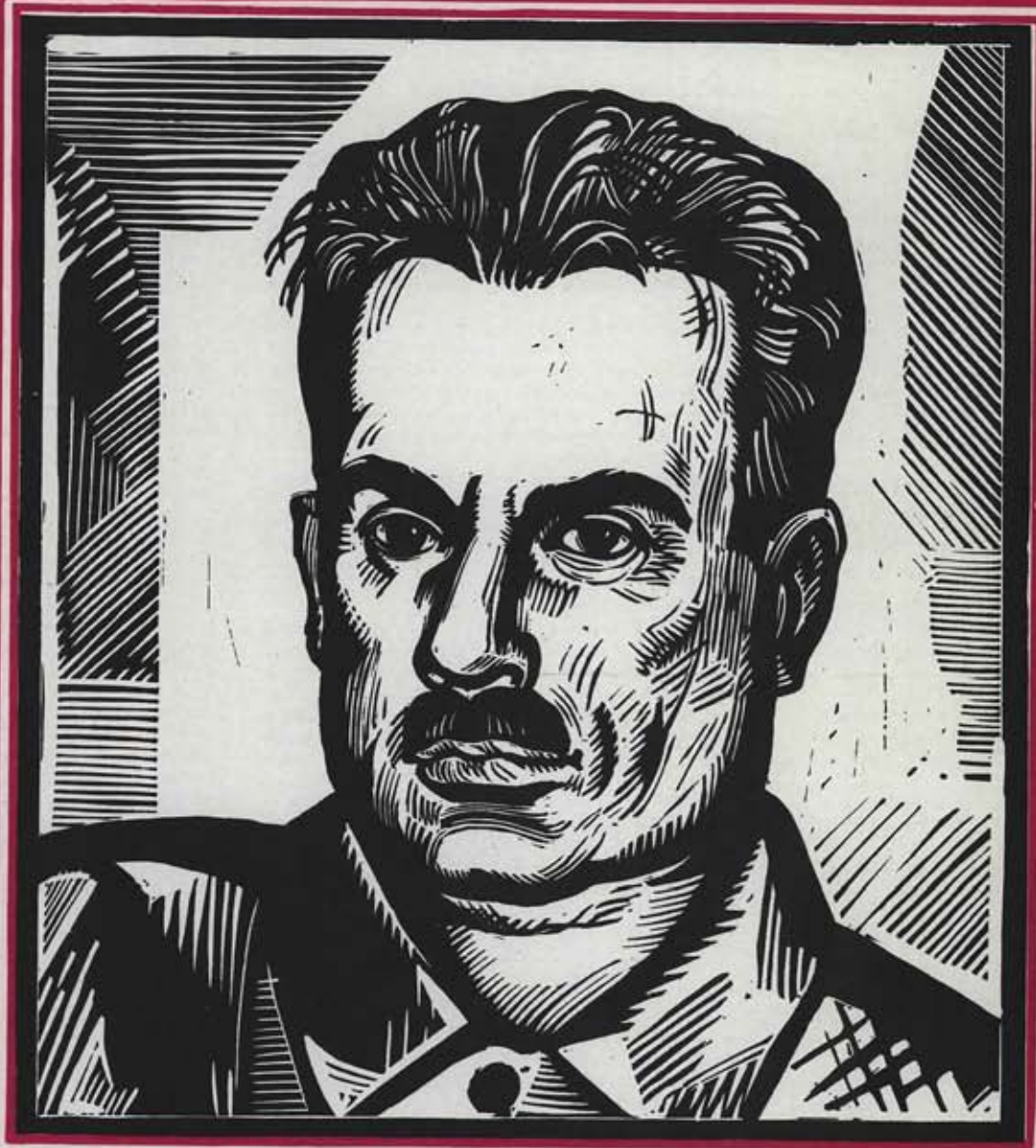
— Рубля пожалел? Надо было мне оставить тебе на телеграмму...

На этот раз он просто промолчал.

— Жаль было своих, спросил бы секретаршу дать за счет управления.

А он опять ни слова, только поглядывал искоса, когда отворачивался от ветра, посмеивался глазами. Умеет он

ДИРЕКТОР ЛИХАЧЕВ

Село называлось Озеренцы. Уезд был Веневской, а губерния Тульская.

Уездный город Венев торговал овсом и говядиной. Из промышленных предприятий крупнейшим была винокуренный завод. Выпускали зеленого вина. И разливали в штофы, полуштофы и маленькие шкалики, которые в местном населении шутливо назывались «мерзавчиками».

Будущий красный директор Московского автомобильного завода Иван Алексеевич Лихачев первый автомобиль увидел в 10 лет. Но не в родных Озеренцах и не в Веневе, а в городе Санкт-Петербурге, куда его отправили учиться ремеслу.

Автомобиль, чуда своим мажорчным звуком, чавкая резиновыми шинами и гремя железом,

катил по торцовой мостовой. Шофер в кожаном кепи с прямым козырьком, в очках от ветра, в черных перчатках с красными энергично нажимал на красную резиновую грушу. Автомобиль слыло кричал, прокладывая себе путь среди извозчиков и пешеходов, ступавших по площади перед Московским вокзалом императорской Николаевской железной дороги.

Так он и врезался в память, этот автомобиль, а рывок его бензинового двигателя застыл во времени. Стояло только задуматься и прикрыть глаза, как он возник — сначала звук, а потом сам «авто» на заснеженном снегу, пожелтевшем, как старая страница.

В Соединенных Штатах Лихачев встречался с

Гравюра Юрия ИВАНОВА

Генри Фордом-старшим. Старик, создатель автомобильной империи, пригласил его к себе отобедать. За столом вели разговоры на разные темы.

Об автомобилях ни слова. А затем, когда принесли сигары и кофе, Форд наклонился и сказал доверительно:

— Вы родились под автомобильной звездой. Вас поили не молоком матери, а бензином, черт возьми.

— Это вы мне комплимент... Бензином...

Форд засмеялся.

— Дорогой мистер Лихачев,—сказал он, улыбаясь,—теперь вы убедились, что все дороги ведут в Америку. Вы, крупный советский промышленник, многому научились у нас. Ведите хозяйство у себя по-нашему, и вы добьетесь успеха.

Переводчика звали Любомир Шпирович Голо. Когда-то он работал на заводе Форда, затем вернулся в Москву и слесарил на московском автомобильном. По национальности он был сербом. Английский знал не слишком, но в Детройте автомобильщики его понимали: крыл хорошим станочным жаргоном, так что сразу же возникало полное взаимопонимание.

— Скажи ему, только вежливо, что, во-первых, я не промышленник,—сказал Лихачев, повернувшись к переводчику.—Я слуга народа. Директорская должность мною получена не по наследству, а по воле моей партии. Что касается путей-дорог, тут ты, Любомир Шпирович, не ошибись. Они, скажи ему, временно ведут в Америку. Придет день, и им у нас можно будет многое подзанять.

Форд кивнул. Дескать, может быть. Спорить ему не хотелось. На дворе стоял 1930 год.

— Нам нужны такие люди, как вы. Вы бы и у нас далеко пошли. По глазам вижу,—сказал Форд.

— Сомневаюсь,—сказал Лихачев.

— Дороги встречаются.

Когда сажались в машину, вежливый хозяин вышел на крыльцо. Любомир Шпирович охнул: «Иван Алексеевич, уважение-то какое. Сам Форд! Это ж надо... Генри Форд!»

— Деловой парень,—согласился Лихачев и приложил правую руку к шляпе. Пришлось ему купить в Штатах серую шляпу с черной лентой, век бы ее не видеть, здорово мешала. Фасон назывался «молодой конгрессмен».

— Будьте здоровы, мистер Форд! Милости просим в Москву на АМО, к нам в Симоновскую слободу.

Форд кивнул. Но всего, наверное, не понял. Любомир Шпирович не знал, как по-английски—«слобода».

Было это накануне пуска завода. Завершалась первая реконструкция...

Нет, он родился не под автомобильной звездой и не в семье блестящего русского инженера, как сообщила одна американская газета. Сообщила потому, что в Детройте на заводе Форда, в Италии на Фиате, в Германии у Опеля, в Штутгарте и тихом Гагенау господа иностранцы отказывались верить, что первый автомобиль он увидел в шестнадцать лет.

Автомобиль выворачивал на Невский.

— Что варежку разинул? Закрой, просквозит,—сказал дядя.—Город наш морской.

В Питер Лихачев приехал, потому что надо было зарабатывать на хлеб. Отец умер, на руках у матери Евдокии Николаевны осталось восемь детей—две девочки и шестеро мальчишек. Он—старший.

Дядя работал слесарем за Нарвской заставой на Путиловском заводе, он внучил племяннику: «Слесарь—это тебе, племянш, то же, что столяр, только по металлу. Всегда сыт будешь и нос в табаке».

Он работал учеником в мастерской, потом учеником слесаря на Путиловском, а когда началась первая мировая война, его призвали в армию воевать «за веру, царя и отечество».

Гремели салюты. С развернутыми знаменами шли на погрузку полки и батальоны. «Победу России и славянству!»—кричали на Невском.—Вильгельма—на Святую Елену!»

По существовавшему тогда положению он призвался не в столице, а в том же Вене. И служил сперва в 192-м запасном пехотном полку, а оттуда с 1-й маршевой ротой был отправлен на Западный фронт во Вторую армию.

Он воевал в пехоте, а не на флоте, как принято считать и как указывается почти во всех литературных произведениях о директоре Лихачеве. Про корабли, про штормы, про лихих братишек в бескозырках он любил рассказывать, потому что море было его несбывшейся юношеской мечтой. Такой желанной и солнечной, что до своих последних дней директор завода, депутат Верховного

Совета страны Иван Алексеевич Лихачев любил, когда его называли бывшим моряком.

В анкете он писал: «... год рождения—1896; образование—4 класса и курсы шоферов в 14-м году; член партии большевиков—с июня 17-го года».

В том же июне он был тяжело ранен, лежал в госпитале, и вот, выйдя из госпиталя, большевик Лихачев надел матросский бушлат—форму революции. Он перепоясан пулеметными лентами, на боку маузер в полированной деревянной кобуре, за поясом с медной бляхой гранаты. Он формирует отряды Красной гвардии в Гельсингфорсе и в Москве, потом работает в ВЧК.

У него было две мечты. Море и автомобиль. Первая не сбылась.

И все же Иван Алексеевич был удачливым человеком, лихим и смелым. Он обладал удивительным человеческим обаянием, открывавшим ему все сердца и двери. Но есть в личности Лихачева и еще один дар. Дар удивительный и ни с чем не сравнимый. Любая задача, которую он перед собой ставил, точно соизмерялась с масштабами времени. Говоря громко, когда знакомишься с его жизнью, история осеняет тебя своим крылом. События, волновавшие страну, не проходили мимо его судьбы. Они с ним.

О чекисте Лихачеве заводские ветераны рассказывают много, но документально установлено, что бронепоездом он не командовал, агентов иностранных разведок не выслеживал и в конной атаке не рубил до седла усатого есаула.

У него было слабое здоровье. Из ВЧК его перевели в 1921 году на хозяйственную работу, а через пять лет, 30 декабря 1926 года, он пришел на бывший АМО, а тогда Первый государственный автомобильный завод имени Феррери, итальянского рабочего, погибшего на баррикадах классовых боев в далеком Турине.

Завод АМО строили в 1916 году знаменитые купцы братья Рябушинские. Миллионщики, ухари и «спортсмены»—так писалось тогда это слово. У братьев был капитал, связи и коммерческая хватка. Строительством завода руководил инженер Дмитрий Дмитриевич Бондарев. К тому времени, когда Лихачев пришел на АМО, Бондарев строил уже Гостсельмаш, но память о нем сохранилась.

Выросший в Симоновской слободе, первый в России автомобильный завод был неосуществленным проектом Бондарева. АМО не достроили, и по нашим, современным масштабам его следовало бы называть автомастерскими. На нем собирали полуторки «фиат», а в гражданскую войну ремонтировали броневики. В годы разрухи на заводе делали примусы и зажигалки. Цеха стояли неотопляемые. Станки ржавели.

Автомобилей было еще очень мало. Меньше 10 тысяч на всю страну—иностраных и собственных, дореволюционного производства. По мощности автомобильного парка мы уступали не только Америке. Мы уступали Польше и Румынии. Автомобили покупались за границей на золото. По московским улицам катили «золотые» автобусы Рено и Ланчия, грузовики Форда и Опеля. Они пугали хриплыми клаксонами горластых ломовиков и лихачей, не признающих никаких правил движения.

Но жизнь налаживалась, стране требовался транспорт, и к двадцати шестому году уже стояла задача посадить крестьянина на трактор, а рабочего—на автомобиль, чтоб быть непобедимыми.

Автомобиль из барского баловства, из атрибута светского спорта превратился в символ восстановления страны, возрождения ее промышленности и творческой силы.

Новый директор знал, что АМО накануне больших событий.

Он разбирался в автомобилях и мог сравнивать продукцию своего завода с мировым уровнем, как шофер. Инженером, тактиком и стратегом автомобильного производства он станет потом. А тогда, в двадцати шестом году, он говорил:

— Братишки, неужто мы грузовика, как надо, сделать не можем Стране Советов!

Новый директор был молодым человеком и по возрасту и по темпераменту. Его тянуло к заводской молодежи. Инженеры в фуражках с перекрещенными молоточками на черных бархатных околышах, те мыслили высокими техническими категориями и блюли свое инженерное достоинство, а он начинал с малого. С режима экономии. Тогда в стране впервые началось это движение.

Он выступал перед заводской комсомольской докладами о бережливости. Все заводские неурядицы директор высмеивал первым. Крепко доставалось тем, по чьей вине мокли у деревообделочного цеха необрунные доски, работали вхолостую стан-

ки. Очень скоро по заводу пошла молва, что Иван Алексеевич знает, где какой болт лежит. Старые кадровики с уважением стали называть его хозяином.

— Пришлось перестроить всю работу завода, дисциплину поднять,—вспоминал он те дни.—Пришлось залезать в самую гущу жизни завода, чтоб знать, с кого на заводе что требовать и кто на каком участке будет лучше отвечать поставленным задачам. Надо было вытащить завод из прорыва. Ведь не была даже установлена мощность завода: кто говорил 100 автомобилей в год, кто—800, а кто—1200.

Думал ли он, вступая в новую свою должность, что маленький АМО, выпустивший в 1926 году 100 автомобилей, превратится в крупнейший автомобильный завод Европы и здесь, на этом заводе, он, крестьянский сын Иван Алексеевич Лихачев, проработает 25 лет! Четверть века. И какие четверть века!

Конец эпохи, первая пятилетка, первая реконструкция. Она позволила наладить выпуск 25 тысяч автомобилей в год. Потом вторая реконструкция—50 тысяч. Потом—100 тысяч! «Круглая цифра, считать легче»,—говорил он.

События на КВЖД, озеро Хасан: «На Хасане наломали мы бока»—песня была такая. Красноармейцы пели эту песню в кузовках его грузовиков. Во время гражданской войны в Испании его автомобиль возил продовольствие и снаряды республиканцам. Халхин-Гол, линию Маннергейма, Великую Отечественную—все это он прошел вместе с заводом в должности директора.

Автомобиль АМО колесил по дорогам самой большой войны, на его шасси монтировали первые гвардейские минометы—«Катюши» и счетверенные зенитные пулеметы.

В двадцати шестом году никаких специальных знаний, кроме тех, что были приобретены на курсах шоферов, у него не имелось. Но, придя на завод, он мог сказать:

— Я человек пожилой. К тому же раненый и контуженый. И за свои годы такого насмотрелся, что другому, который экономный, хватит на весь век и останется взаимы дат.

Ему исполнилось тогда тридцать лет. И он только начинал директорствовать.

Здравый смысл подсказывал, что прежде всего требуется решить, какой строить автомобиль. По данному вопросу имелись тогда весьма существенные разногласия. Предлагались самые разные варианты. Хотелось, чтобы с заводского конвейера, которого, к слову сказать, тогда еще не было (автомобили собирали штучно), сходил самый что ни на есть современный, мощный и элегантный грузовик.

Но автомобиль рождается не сам по себе, он не в поле растет колесами вверх. Для его производства нужны качественные стали, резина, электрооборудование, лаки, краски, текстиль, стекло... Откуда их было взять в достаточном количестве в стране, только что вышедшей из разрухи?

Для развития промышленности требовался надежный автотранспорт, а для того, чтобы этот транспорт появился, нужна была промышленность.

Инженерия—конкретная область деятельности. Инженер связан уровнем развития техники. Директор—не может не быть инженером, но он обязан быть политиком, понимающим и чувствующим конъюнктуру сегодняшнего и завтрашнего дня.

Надо было строить надежный и крепкий грузовик. Чтоб ездить ему долго, а стоять недорого. И чтоб управлять им было легко, потому что за руль его должен был сесть конопатый деревенский парень, вчерашний хлебопашец, управлявший сарваской. И самое главное—этот советский грузовик должен был существовать не в единственном, выставочном экземпляре, а в сотнях тысяч качественных образцов.

— Все мы по земле ходим,—говорил директор.—И автомобиль по ней катится, вот и давайте от земли не отрывать. В облаках аэропланы витают, это—другое ведомство.

И еще он говорил:

— Я считаю, что машину не должны лизать там, где не нужно. Я требую, чтобы машина была рабочей, прочной и дешевой.

Лихачев понимал, что строить новый завод надо с заделом, с прицелом на будущее. Весь заводской организм обязан быть гибким: появилась новая сталь—тут же ее в дело. «Красный пролетарий» выпустил станки мирового класса—сейчас же у себя на АМО и поставим. Вот таким манером, считал директор, постепенно, но верно автомобиль будет улучшаться, а завод становиться сверхсовременным.

Как-то само собой при всеобщей грамотности и наличии дневных, вечерних и заочных вузов забылось нынче, что Алексей Максимович Пешков не имел высшего образования, Сергей Есенин учился писать стихи не в Литературном институте, инженер Можайский сконструировал первый в мире самолет, не успев закончить МАИ, и почему-то был морским офицером, капитаном первого ранга. Создатели первого паровоза братья Черепановы не работали в НИИ, а военачальник Чапаев академий не кончал.

Все это говорится не к тому, чтоб заронить мысль, будто высшее образование и образование вообще не обязательно. Напротив. Сейчас, в век технической революции, потребовавшей от человечества огромных интеллектуальных усилий, движение вперед без него невозможно. Но нет-нет да и мелькнет, будто образование бывает законченным. Десять лет в школе, пять лет в институте — и вот он, диплом. Увы, образование — процесс непрерывный, и диплом только подтверждает завершение одного из этапов. Дальше специалист учится сам.

Иван Алексеевич Лихачев был самоучкой в том прекрасном значении, которое может вызывать только уважение. У него была мечта. Всю жизнь он стремился воплотить эту мечту в металле, этой мечте были подчинены все его планы, он видел ее на бумаге, на синьках и планшетах в своем директорском кабинете, она снилась ему по ночам.

Первый автомобиль выкатился откуда-то справа, будто из-под руки. Шофер был в кепи с прямым козырьком и в очках... «Варежку-то закрой, проквозит», — сказал дядя. — «Город наш морской».

С вокзала на трамвае поехали за Нарвскую заставу. Тетя Лиза поила чаем с вареньем и все расспрашивала, как в деревне, жив ли дед Семен, звонят ли в Пятницкой церкви к обедне и как там новый батюшка, молоденький, с русой бородкой. Он отвечал, а сам думал про чудо, проехавшее мимо него на вокзальной площади.

— А у вас на заводе это делают?

— Ну, однако, и сдался тебе энтот примус! Нет, авто у нас не производят, — сказал дядя и запел:

*Вдоль над Невой летит стрелой
Авто вечерней порою.
Шофер, поминув головою,
Руль держит твердою рукою.*

Когда он пришел на свой завод, конвейера еще не было. Автомобиль собирали на деревянных козлах. Ставили раму и постепенно прикрепляли к ней все необходимые детали и агрегаты.

Новая модель АМО-3, пришедшая на смену АМО-Ф-15, потребовала конвейера. Она состояла из четырех с половиной тысяч деталей, и весь технологический процесс на заводе нужно было рассчитать так, чтобы, подчиняясь потоку, детали из заготовительных цехов на малых конвейерах подавались бы на главный конвейер, где и сливались бы в единое целое — в автомобиль. Если завод — организм, то отныне менялись законы его жизни.

Конвейерный ритм обязывал человека чувствовать значимость своей работы. Четыре с половиной тысячи основных деталей — это много, но если хоть одна из них, пусть самая скромная, будет подана на главный конвейер не вовремя — общий ритм потерян, завод работает вхолостую. Задача организации четкой работы на огромном предприятии решалась в нашей стране впервые. Проблема завода перерастала в проблему общегосударственную.

Каждые четыре минуты 12 секунд с главного конвейера должен был сходить готовый грузовик мощностью в 66 лошадиных сил. Когда до этого не завод, а Россия мерила время на секунды?

Были другие измерения. Триста лет татарского ига, триста лет дома Романовых, пуды, аршины, сажени и версты... Ваше превосходительство, ваше благородие, ваше степенство — все было, а секунды не было.

Первый АМО-3 родился в час ночи 21 октября 1931 года. Лихачев, по-бычьей пригнув голову, влез в кабину.

— Давай по старой памяти поведу ее!

Он резко взял с места, буркнул под нос: «Нервничай, что ли?» Усмехнулся и переключил на вторую передачу. Директор всегда сам испытывал новые модели своего завода, участвовал в испытательных пробегах.

Первое шасси легкового автомобиля ЗИС-101 было собрано в марте 1936 года. Для обкатки его оборудовали деревянным сиденьем. Ни крыльев, ни ветровое стекло еще не было. Заводской автомеханик Николай Трофимович Осипов поставил машину у ворот, а сам пошел надеть пальто и шапку. И

шарф повязать. Без лобового стекла запросто можно простудиться.

— Вышел я утепленный, — вспоминает Николай Трофимович, — а машины-то и нет. Заволновался. Кинулся туда-сюда. Нет! Но вскоре автомобиль появился. За рулем сидел Иван Алексеевич.

Директор не вытерпел и сделал круг по территории завода. Но этого ему показалось мало. Вдвоем с Осиповым они решили махнуть в Подольск и обратно.

Мокрый снег бил в лицо, засыпал колени, ветер пронизывал до костей, но Ивану Алексеевичу было весело, и всю дорогу, все 70 километров — 35 туда и 35 обратно — он шутил:

— Николай Трофимович, похожи мы на авиаторов?

— Да как сказать, Иван Алексеевич, и да и нет.

— Мы на моржей похожи, на усах сосульки, — радовался директор и все хотел вспомнить слова старой песни про молодого шофера, который держал руль твердой рукой. Мотив-то он помнил, а вот слова забыл.

В феврале 1939 года Ивана Алексеевича назначили наркомом среднего машиностроения. На этой должности он проработал чуть больше года и в ноябре 1940-го вернулся на завод, заявив почти во всеуслышание, что наркома из него не получилось по причине полного отсутствия дипломатических талантов и способностей. Может быть, он был не совсем прав, когда говорил, что «товарищем директором интересней, чем товарищем наркомом, меня от бумаг в цех тянет», но ему нужно верить. Он мыслит конкретно и должен был видеть свое дело каждый день, трогать его руками, дышать заводским воздухом, брать за горло прорывы, не спать ночами, спорить, сердиться и радоваться каждому успеху.

Может сложиться впечатление, что он был только производственником, а вопросы большой автомобильной политики его мало интересовали. Но еще в 1934 году, прогнозируя завтрашний день, он настаивал на производстве массового малолитражного автомобиля. Считал, что грузовые автомобили и автобусы должны быть дизельными. Разрабатывая перспективную карту шоссе-ных дорог страны, он требовал, чтобы дорожное строительство велось капитально, ибо нет ничего постоянного временных решений.

И все-таки о сегодняшних масштабах он, наверное, не мечтал. И не мог мечтать. Другие автомобили сходили с главного конвейера, другие люди спешили к заводской проходной, перед которой стоит бронзовый бюст того, чье имя носит завод.

Бронзовый Лихачев не похож на живого Лихачева. В живом как раз меньше всего было бронзовости. Директор всегда был для рабочих «своим». Носил гимнастерку, перепоясанную широким командирским ремнем, и высокие хромовые сапоги. Летом любил ситцевые рубашки в полоску и всем доказывал, что мастерам и уважающим себя мужчины должны одеваться просто. «По одежке только встречают, а провожают, учитывая еще и другие показатели». Внешне он ничем не отличался от тех, кто стоял у станков и конвейеров завода.

Потом он стал чуть элегантней. Бывший начальник производства Алексей Васильевич Кузнецов рассказывает, что однажды собрались на совещание у директора, глядят, а на Иване Алексеевиче шелковая «бобочка» цвета крем-брюле. Вот те раз! Все очень удивились, и Лихачеву пришлось рассказать историю своей обновки.

Накануне в Кремле на Ивановской площади правительству показывали новый автомобиль. Все шло хорошо. Но вдруг Сталин обернулся к Орджоникидзе и сказал: «Товарищ Серго, купи Лихачеву подюжинку хороших рубашек, а то ему, по видимому, жалованья не хватает на приличные рубашки». Вот и пришлось директору изменить своей привычке, но не слишком.

Он был человеком продолжительных привязанностей. Любил по воскресеньям пироги с капустой. Обожал париться в бане. И очень ему нравилось нянчиться с внучкой.

Рассказывают, что он уважал людей пишущих, всю жизнь мечтал уехать на месяц-другой куда-нибудь в тихие места и там засесть писать толстую книгу, может, даже роман о том, что видел и пережил, потому что ничего не мог хранить в себе. А видел он много.

Когда немцы подходили к Москве, Иван Алексеевич руководил эвакуацией своего завода, выдавал удостоверения начальникам цехов и служб. И тогда старый аموвец Михаил Абрамович Фильцер не выдержал:

— Иван Алексеевич! Куда мы поедем в такое время! Давай лучше в лес уйдем. Ведь за тобой

тысяч двадцать заводских пойдут. Партизанить будем. Ты у нас за командира! Мы ж такое сражение устроим...

Глаза Лихачева блеснули. Это предложение очень подходило его чапаевской натуре. А что, если и в самом деле? Собрать своих ребят и ударить. Ведь драться будут как черти!

В кабинете стало тихо. Лихачев молчал, закрыв глаза. В ту минуту он видел всех тех заводских ребят, настоящих парней, которые пойдут за ним в бой. Или представлял, как его армия гонит немцев на запад.

— Бери удостоверение, — сказал он устало. — Тоже выдумал. Выполняй приказ. На востоке заводы будем строить, фронту автомобилю не меньше солдат нужны, голыми руками Гитлера не возьмешь. Затяжная война.

Фронт требовал автомобилей, и ЗИС-5 превратился в ЗИС-5В, грузовик военного времени. Заводские конструкторы заново спроектировали кабину. Надколесные крылья сделали гнутыми из листового проката. Довоенные — штампованные, с глубокой вытяжкой — крылья были слишком дороги.

ЗИС-5В был сделан без фар: ночью на фронте в целях маскировки свет не зажигали. Кузова не имели петель, так что боковые борта не откидывались. А вот мощность двигателя увеличили на 11 лошадиных сил. Повысили степень сжатия и перешли на алюминиевые поршни. В военном варианте этот грузовик, снискавший себе добрую славу на дорогах Отечественной войны, выпускался вплоть до 1946 года. Это был надежный грузовик. «Зисуха не подведет», — говорили фронтовые шоферы, и есть данные, что немцы охотно и без снисходительной улыбки пересаживались из своих «бенцов» и «опелей» на скромные «ЗИСы».

Все военные годы Иван Алексеевич продолжал делать свое директорское дело. Причем на его плечах был не один завод в Москве, а пять заводов в разных концах страны. И он сумел так организовать все это производство, что фронт бесперебойно получал не только грузовики, но и вооружение. Это и был его подвиг, его вклад в нашу победу.

Он был уверен, что наступит день, должен наступить, и к нам приедет учитель господина капиталисты. Это сейчас можно спокойно говорить, что не все промышленные пути-дороги ведут в Америку, а тогда... Какой оптимизм нужно было иметь, чтобы не просто так — ведь он же не шутил, — не из ухарства, а в здравом уме и твердой памяти, не у себя дома, а в столице мощнейшей автомобильной державы и кому — самому Генри Форду-старшему! — сказать, что придет время — и, милости просим, учитесь у нас. Он верил, что такое время обязательно наступит.

Да, он был «крупным советским промышленником», он служил своему делу и поэтому твердо верил, что если мы посадим крестьянина на трактор, а рабочего — на автомобиль, то будем непобедимы.

Он стал директорствовать в те годы, когда советская промышленность еще только становилась на ноги после гражданской войны и разрухи. Никто не знал, как управлять заводом и что входит в круг обязанностей директора. Лихачев рос вместе со своим заводом, набираясь опыта и той директорской мудрости, о которой так любят рассказывать заводские ветераны. При нем началась борьба за режим экономии, был пущен первый в стране конвейер, завод превратился в крупнейшее предприятие мирового масштаба, а марка Московского автомобильного стала символом высокого качества. Уже давно нет на заводе Ивана Алексеевича, но его имя по праву в названии завода, над главной проходной, над цехами, корпусами и на каждом автомобиле, выезжающем отсюда в большую жизнь.

Лихачев был представителем легендарной когорты наших хозяйственников, крупнейших организаторов производства, пророков и гениев первых пятилеток, таких, как Завенягин, Ванников, Малышев, Тевосян, людей, мысливших интересами государства. Они связали свою судьбу с судьбой страны, были хозяевами и слугами Союза Советских Социалистических Республик. Сила Отчизны была их силой. Победы — их победами. Невзгоды страны — их личными невзгодами.

Его, Лихачева, и таких, как он, родила революция. Были Лихачевы инженерами, были учеными. Они считали, что, посадив рабочего и крестьянина за книгу, мы будем непобедимы. Были Лихачевы врачами. Они знали, что, дав народу здоровье, мы будем непобедимы. Были Лихачевы военными, были строителями, были моряками и поэтами. Основным законом времени учил их, что надо отдать себя своей стране, и тогда мы будем непобедимы.

Тишиха обернула косу травой, повесила ее на плечо и повернула к дому. Глядь, торопится к ней Фаина Борисовна, по-журавлиному переставляет ноги в траве.

— Не ходи, осоклой изрежешься.— замахала на нее руками Тишиха. Но Фаина же Борисовна не понимает ничего: она как маленькая.— в городе выросла. Ноги уже кровоточили у нее.

— Федосья Тихоновна, давайте я помогу,— отобрала она у Тишихи косу. Не велика тягость— коса, да вниманье приятно.

— Вот вам работа к вечеру,— указала Тишиха на свою кошенину.— Соломеники будете себе набивать.

— Да, да, хорошо,— закивала Фаина Борисовна.

На дороге их поджидала Степаха, простоволосая, без платка, в вышитой—красными лапушками—кофте, в пестрядинном—еще в молодости, наверное, вытканном—сарафане. В руке у нее был белый бидончик, и Тишиха сразу догадалась, что Степаха пришла с молоком.

— Ухайдакалась, девка?— сочувственно спросила Степаха у Тишихи и посмотрела в луга, где среди зеленого колыхания травы неподвижно покоилась плешь выкошенного пятка.

— Ой, подруга, не говори,— призналась Тишиха.— Охалки три натяпала осоки, как после бани—вся мокрая.

— Да, теперь уж старые кости и солнце вполсилы греет,— сказала Степаха и подала Фаине Борисовне бидончик.— Это вам... У нее коровы-то нет,— указала она на Тишиху.— А в деревне без молока и хлеб не жуется.

— Ну что вы!—заотнекивалась Фаина Борисовна.— У нас консервы есть.

— Бери, бери,— посуровела Степаха.— Кому говорят, бери.

Фаина Борисовна растерялась.

— Я сейчас за деньгами схожу,— сказала она, держа бидончик в вытянутой руке.

— Я тебе схожу за деньгами!—прикрикнула на нее Степаха.— У нас молоко свое.

Она говорила это и смотрела куда-то вдаль, в луга, и уже слушала Фаину Борисовну вполуха.

— Господи,— всплеснула руками Степаха.— Да лошади-то за что такая кара?

Она горбясь засеменяла вниз по дороге—побежит, побежит, схватится руками за грудь, пойдет шагом и опять побежит.

За рекой ходила в лугах запряженная в одноколку лошадь. Пустые фляжки перекатывались в телеге с боку на бок.

Тишиха тоже охнула: лошадь могла залететь в зыбун— в полежавских лугах через каждые двадцать шагов болотистые трясины.

— Ой, опять молоковоз сшибаловкой занимается...

— Чем, чем?— не поняла Фаина Борисовна.

— Чем же еще? Водку хлещет.

Лошадь-то, бедная, оголодала, наверно, стояла-стояла, привязанная к углу, да не выдержала, оторвалась.

— А почему сшибаловкой?— недоумевала Фаина Борисовна.

— Да как не сшибаловкой-то? Только и ждет, кто угостит. На чужие сшибает.

Не любила Тишиха Петьку-молоковоза. Ой, не любила! Про таких говорят, что у них память совсем отшибло, где пообедали, туда и ужинать идут. Бывало, постучит Петька-молоковоз в окошко: «Тихоновна, опохмелиться нет ли?» А не откажешь: потом его же и будешь умолять, чтобы дров привез. И ведь с паразитом давно рассчиталась: на прошлой неделе свалил у ограды воз осинника, так сразу же и заткнула горло бутылкой; весной привозил березовые дрова— так тоже деньгами не взял. «Нет, нет,— говорит,— ничего не надо».— а от бутылки не отказался. Вот, повышали цену на водку, говорили: мужики меньше пить станут. А им чего меньше-то пить? Повышение-то сказалось на старухах, а не на пьяницах. Раньше, до повышения, по бутылке за воз брали и теперь по бутылке. Так мало того, уж пообедали бы вроде давно у тебя, так еще и ужинать не один раз забредут. Хорошо, что в Полежаеве Мишка с Кирей есть, эти всегда выручат, дров на тракторе привезут.

Степаха уже перебежала по мосту через реку, свернула в луга. Раза два, перебираясь с кочки на кочку, оступилась, вывозив салоги в торфяной жиже, да хорошо, хоть не утопила совсем их.

Она поймала лошадь за узду, повела ее на пригорок. Фляжки, перекатываясь, загремели.

— Боевая старушка,— восхищенно сказала Фаина Борисовна.

— А вашего председателя сельсовета родная бабушка,— засмеялась Тишиха.— Мишки-то Некипелова, который вас на сенокос отправлял,— и горделиво протянула:— По-о-роду видать. И Мишка на работе ни перед чем не постоит. Такой уж хватистый.

— Хулиган он,— нахмурилась Фаина Борисовна.

— Ой, нет,— не согласилась Тишиха.— Когда ему фулиганить-то? Его ведь ночь угнала и ночь пригнала: я печку встаю затоплять— а у него уж под окошком трактор регочет; вечером я уж спать легла— он только с работы едет, от трактора в рамах стекла дрожат... Не-ет, Мишка не фулиган. Он веселый— вот это правда.

Степаха уже вывернула на проселочную дорогу, поднялась на мост, и, держась левой рукой за переклад, правой раскрутила над головой вожжи.

— А ну, залетная!

Лошадь сбежала с моста впритрус.

— Нет, не фулиган Мишка. Он у нас настырно работает,— не успокаивалась Тишиха.— Они с Кирей Обабком... с бригадиром-то вашим,— опять засмеявшись, подоткнула она под бок Фаину Борисовну,— с Доски почета не сходят. Лю-ю-ты до работы...

— Я о работе ничего не говорю,— сказала Фаина Борисовна.— Я имею в виду поведенье.

— А что поведенье?— еще больше обиделась за ребят Тишиха.— И поведенье хорошее.

Выпивать зря не выпивают, не матогаются.

Фаина Борисовна поджала губы.

Тишиха перевесила косу с одного плеча на другое.

— Это уж они с вами-то раздухарились,— заулыбалась она.— Ну так еще бы: такие девки приехали. На раннихних бы ребят нарвались, так они бы попусту-то молоть языками не стали, а раз-раз— и пощупали бы вас...

Фаина Борисовна покраснела, хотела чего-то сказать, но подъехала на телеге Степаха.

— Тпру,— остановила Степаха лошадь и повернулась к Фаине Борисовне.— Девки, приходите вечером ко мне ужинать... Я вон там за сельсоветом живу, второй дом налево.

— Они твоего внука боятся,— сказала Тишиха.

— Да его уж и след простыл... Силосуют на Межакове хуторе. Дай бог, если в полночь домой зайвится... Приходите, у меня мяса нажарено.

Фаина Борисовна не успела сказать «спасибо», как к ней потянулась здороваться хуторская Огрёша. Тишиха и не заметила, когда Огрёша подкатилась к ним. На локте у нее висела сумка с двумя буханками хлеба— из магазина бежит.

— И ко мне приходи,— пригласила Огрёша.— У меня тоже в печке мясо томится.

Фаина Борисовна растерянно кивала головой бабам:

— Да, да, спасибо.

Степаха взмахнула вожжами, поехала на конюшню выпрягать лошадь:

— Дах вечером жду...

Бидончик оттянул Фаине Борисовне руки.

— Я, пожалуй, пойду,— замылась она.

— Иди, иди, милушко,— отпустила ее Тишиха.

И едва Фаина Борисовна отошла от старух, Огрёша хуторская наклонилась к Тишихе:

— Это что за девка? Чего-то признать не могу.

— Дах ты же в гости ее звала...

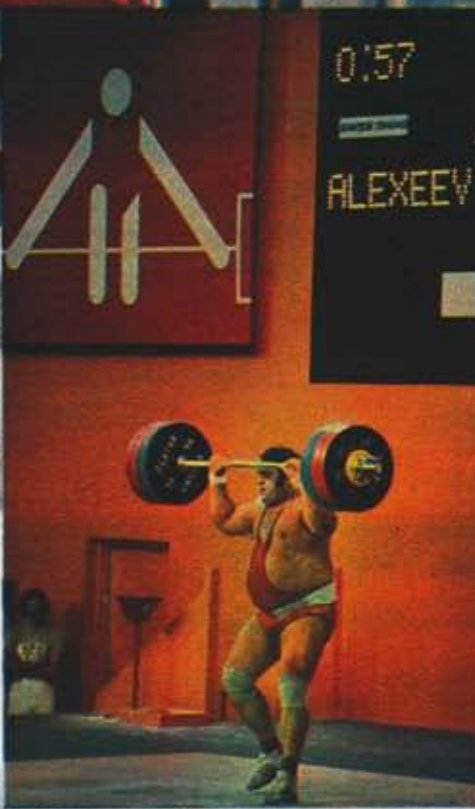
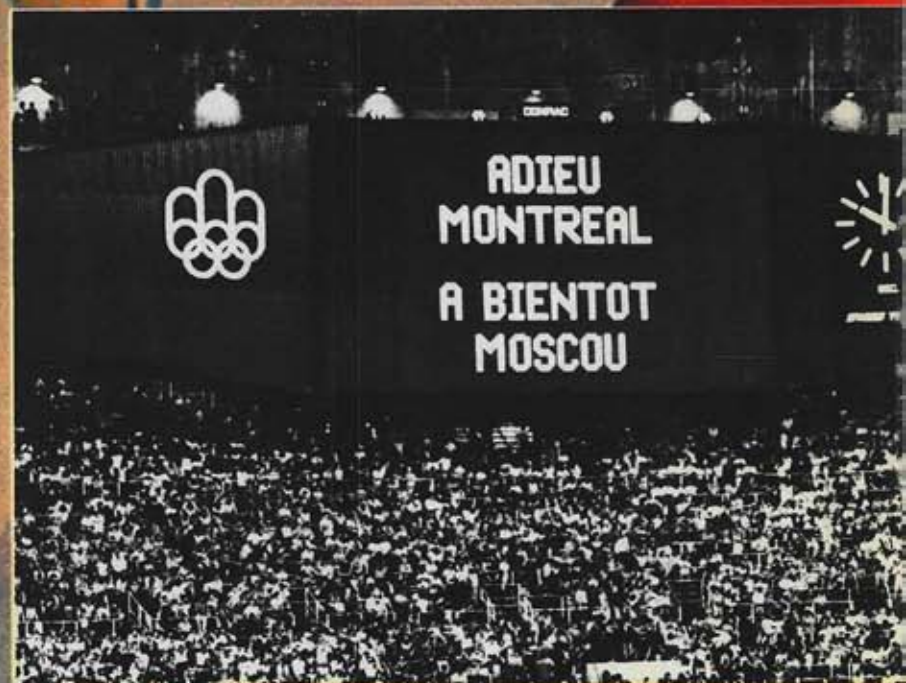
— Ну, Степаха-то ведь тоже звала...

— Экспедиция это,— доверительно пояснила Тишиха.— За языком приехала.

МОНРЕАЛЬ:

ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ. К КОНЦУ ДНЯ — ЯСНО

Такими словами частенько заканчивал чтение последних известий диктор монреальского телевидения.

И вспоминая ныне дни, предшествующие Олимпиаде, да, пожалуй, и сам ход ее спортивных поединков, думаю я, что фраза эта, регулярно звучавшая с маленького экрана, весьма точно определяла то, что происходило в июле в столице канадской провинции Квебек.

Монреаль — внешне типично американский город. Я не оговорился, именно американский, как и многие другие канадские города: многоэтажный, «небоскребный» центр, а вокруг разливанное море одноэтажных кварталов. Те же кричащие пестрые рекламы повсюду, те же огромные машины на улицах, те же «собачьи» сосиски на каждом углу.

Вот только речь звучит французская и надписи всюду тоже на этом языке. Монреаль после Парижа второй по населению франкоязычный город в мире.

Впрочем, какая только речь не звучала в дни Олимпиады на улицах Монреаля. Сюда съехались люди со всех концов земли. Скажем прямо, не все они, подобно брату иранского шаха Пехлеви или принцессе Анне, дочери английской королевы, жили в многокомнатных апартаментах роскошных отелей. Иные разбили палатки на подступах к городу или создали целый поселок «трайлеров» — прицепных автодомиков, а то и просто ночевали в парках на скамейках. Еще за несколько дней до конца Игр был торжественно отмечен миллионный зритель Олимпиады, и зрители эти далеко не все были монреальцами.

Однако многие монреальцы, дождавшиеся, наконец, великого дня, не склонны были воспринимать Олимпиаду лишь как веселый праздник. Олимпиада олимпиадой, она промчится мгновенным пестрым хороводом, а жизнь с ее проблемами, заботами и тревогами останется. И, пожалуй, лучшей иллюстрацией сложности бытия как раз и служит история подготовки и проведения XXI Олимпийских игр.

Когда Монреаль получил право на их проведение, мэр города Жан Драпо сказал, что это будут «скромные Игры, на которых будут царить простота и достоинство в традициях величия человека».

Что должна была значить эта довольно туманная формулировка, тогда еще никто не знал. Но уже вскоре о достоинстве, традициях и величии говорить не пришлось. Началась лихорадка.

Расходы на «простые сооружения» во много раз превысили сметы: планировали 310 миллионов долларов, израсходовали в конечном счете почти 2 миллиарда. Строительство шло в сложных условиях во всех смыслах слова. Дули сильные ветры, зимой стояли жесточайшие морозы, подрядчики грели (да простят мне плохой каламбур) на них руки, шантажировали Оргкомитет. Ошибки строителей привели к трагической гибели 13 рабочих, ко многим несчастным случаям. То и дело возникали забастовки.

Федеральное правительство отказывало в средствах. Международный олимпийский комитет, международные федерации настаивали, чтобы спортооружения и организация Игр отвечали современным требованиям. Наступал кризис.

О каком уж тут «достоинстве» говорить... Пришлось торговаться с фирмами, жаждавшими получить титул «официальный поставщик Игр», и драть с них втридорога, выпустить «лотерею миллионеров», где главный выигрыш — миллион долларов, запустить в продажу поток марок, монет и т. д.

Мэр однажды удовлетворенно заявил своим согражданам-налогоплательщикам: «Игры не будут стоить городу ни одного цента. Тратить деньги из бюджета города? Для нас это так же невозможно, как мужчине родить ребенка».

Однако очень скоро карикатуристы стали изображать господина Драпо с большим животом: городу пришлось таки раскошелиться. Выяснилось, что Игры — настолько гигантское мероприятие, что организаторы и предвидеть подобного не могли. 25 тысяч служащих, 16 тысяч солдат, тысячи полицейских и агентов, 77 стадионов, залов, бассейнов и других спортивных центров, где развертывались соревнова-

ния, без малого 10 тысяч спортсменов и еще большее число журналистов, которых надо было размещать, кормить, возить, развлекать, охранять, создавать им идеальную обстановку для жизни и выступлений... Потому что за каждым спортсменом стояли многие годы напряженной подготовки к Олимпиаде, за каждым журналистом и комментатором — миллионы читателей и зрителей. И нельзя было никого подвести.

А были еще сотни тысяч туристов, которые хотели не только смотреть Игры, но и покупать сувениры, читать газеты, ходить в рестораны и кафе, развлекаться.

И была еще постоянная давящая угроза трагических происшествий, ежедневные звонки неизвестных лиц в полицию о подложенных бомбах, о притаившихся снайперах, о проникших в Канаду и до поры до времени скрывавшихся террористических группах.

И особая команда «Альфа» мчалась по первому вызову и обнаруживала не бомбу, а консервную банку. Но мчалась. И «Антитеррористические спецгруппы» прочесывали кварталы, никого не обнаруживая, но прочесывали, и охрана олимпийской деревни и мест соревнований удваивала, утраивала бдительность, по десять раз в день обыскивая у входов спортсменов, просвечивая рентгеном входящих в отели посетителей, просматривая с вертолетов целые участки города.

Круглосуточно дежурили в засекреченном «оперативном центре» высокопоставленные офицеры безопасности, полиции, армии. Господин Лакоэ, председатель совета безопасности Монреаля, возглавлявший, по существу, всю службу охраны Игр, пригласил меня однажды осмотреть этот центр. Он напомнил мне центр управления космическими полетами. В огромном зале на возвышении — места для руководителей всех служб со множеством телефонов, передатчиков, микрофонов и всякой другой аппаратуры. В случае ЧП места эти займут министры, генералы, руководители ведомств, а в то время там сидели старшие офицеры.

Перед ними десятки телеэкранов, на которых с помощью камер, установленных в «стратегических» пунктах, на вертолетах, в специальных патрульных машинах, просматривается практически любое место в деревне или на стадионах.

Впрочем, история охраны Игр заслуживает, пожалуй, отдельного очерка.

Можно было бы привести много других фактов и цифр, иллюстрирующих масштабы Олимпиады, — взяты хотя бы столовые в олимпийской деревне, где, как утверждал Роже Гарон, ответственный за питание спортсменов, можно разместить два футбольных поля и где круглосуточно почти 10 тысяч человек поглощали без малого полторы тонны продуктов. Обслуживающего персонала в столовых насчитывалось 1400 человек.

Или, скажем, световое табло главного стадиона, каждое высотой в четырехэтажный дом, где 38 тысяч лампочек не только расписывали в деталях весь ход соревнований, но и повторяли, как на киноэкране, целые эпизоды развертывавшейся на поле и дорожках борьбы. А что уж говорить об олимпийском телевидении с его миллиардами уже, а не миллионами зрителей, с тысячами работников, с сотнями телекамер. 3500 цветных телевизоров для олимпийцев, тысяча мониторов для журналистов, камеры на стадионах, в машинах, в вертолетах... Космические масштабы не только в переносном, но и в буквальном смысле слова.

Таковы сегодня Олимпийские игры.

Много говорят об их гигантизме. Они действительно теперь огромны, всеобъемлющи, бесконечно сложны...

Но не в увеличении числа спортсменов и видов программы тут дело. Право же, принять, разместить и прокормить 8 тысяч человек или 10 тысяч, даже 15 — не такая уж большая разница. И мало что изменится, если в программу войдут, например, борьба самбо, теннис или две-три новые дистанции в легкой атлетике.

Огромность Игр в другом — в масштабах организации, в требованиях к местам соревнований, оборудованию, инвентарю, к судейской аппаратуре, антидо-

пинговому контролю, к быстроте, точности и всеобъемлемости информации и многому другому.

Кто из нас, журналистов, думал в Мельбурне или Риме, что результат победителя в заплыве будет отличаться от результата пловца, пришедшего вторым, на тысячную долю секунды? Что время бегунов будет определяться электронными машинами с точностью до сотой секунды, а броски метателей — инфракрасными радарными аппаратами? Что подводные телекамеры будут следить за пловцами и прыгунами в воду, а видеомагнитофоны исключают судебские ошибки в борьбе и других видах спорта? Что допинговые пробы будут проводиться с помощью электронного мозга и что хромотографические и спектрографические анализы позволят безошибочно обнаружить мельчайшие частицы более чем ста запрещенных МОКом элементов? Наконец, что сам священный олимпийский огонь совершит за доли секунды космический трансокеанский перелет с помощью спутника?

А что прыгунам с шестом придется падать на поролоновые подушки с шестиметровой высоты, разве можно было предполагать? Или что один человек поднимет штангу более чем в четверть тонны весом? Или что немислимые, казалось бы, гимнастические комбинации будут проделывать крохотные девчушки?

Все изменилось в олимпийском хозяйстве: масштабы, сложность, спортивные достижения...

Ныне провести Олимпиаду могут лишь страны (о том, чтоб их проводили своими силами города, не приходится и говорить), и далеко не любые.

Во время Монреальских игр много говорилось и писалось о том, что игры Московские будут последними, что после них уже ни у кого не хватит сил поднять Олимпиаду. Выдвигались множество предложений: зшелонировать Игры на протяжении года или даже четырех лет, проводить их в разных городах одновременно или, наоборот, всегда в одном месте — в Греции, возлагая расходы на все страны... Так или иначе, уроки Монреальских игр показательны. Показательны, оговорюсь, для западных стран. Множество проблем, встающих перед их организаторами, в странах социалистических, в наших городах и, в частности, в Москве, просто не существует. Нет частной собственности, есть плановое хозяйство, никто не бастует, потому что не из-за чего бастовать, наоборот, проведение Олимпиады москвичи — от рабочего до министра — рассматривают для себя как дело чести. В нашей стране подлинная демократия, а не «демократия» в кавычках, служащая порой (как это случалось в Монреале) лишь ширмой для националистических, анархистских, хулиганских выступлений, иногда и против гостей Олимпиады, потворствующая спекулянтам, мелким дельцам да и дельцам покрупнее.

Наконец, Московские игры не омрачат политические грозы, подобные той, которая привела к неучастию в монреальской Олимпиаде без малого 30 стран африканского континента, около тысячи спортсменов, в том числе претендентов на золотые медали. Глубокое уважение к государственным суверенитетам, полное понимание позиций стран и в то же время уважение к Олимпийской хартии позволяют Москве избежать того, что произошло в Монреале. Об этом, между прочим, говорили и представители ряда африканских стран, и президент МОКа лорд Килланин, и многие официальные лица, и журналисты.

...А вот в Монреале была переменная облачность. Едва удалось вовремя закончить строительство спортобъектов (пусть не всех и не до конца) и вздохнуть с облегчением, как на горизонте возникли новые тучи: собралась бастовать работница телевидения и связи, что грозило лишить мир телепередач Олимпийских игр. Договорились со связистами — забастовали медсестры. Срочно пришлось принимать закон о незаконности их забастовки и силой возвращать на работу. Пригрозили забастовкой энергетики. Таксисты, недовольные тем, что Оргкомитет вместо того, чтобы воспользоваться их услугами, создал собственный автопарк с шоферами-солдатами, устроили «черепаший демонстрацию». Это зрелище у меня до сих пор перед глазами: сотни такси, беспрепятственно сигналя, загрохотали центральные улицы Монреаля и, двигаясь со скоростью десять километров в час, застопорили все движение.

Бастовали или грозились бастовать летчики, журналисты, фотокорреспонденты, даже полицейские. Одни требовали увеличения зарплат, другие — пенсии, третьи — мер, обеспечивающих безопасность полетов, четвертые протестовали против драконовских мер охраны Игр.

Правительство, или муниципалитет, или Оргкомитет Игр спорили, шли на уступки, предлагали компромиссы, грозили, обещали. Конфликты улаживались, тучи уходили, небо светлело, потом возникли новые трудности, новые проблемы. Последняя по счету, но не по значимости: что будет после Игр? Кто расплатится с долгами, куда девать горы сувениров, которые так и остались вопреки ожиданиям нераскуплен-

ными? В какой мере понадобятся и будут ли заполняться хоть наполовину, хоть на десять процентов, а следовательно, оправдают ли себя спортобъекты, построенные к Олимпиаде, или они окажутся ненужными подобно их токийским или мюнхенским предшественникам?

Но об этих проблемах во время Олимпиады старались говорить поменьше.

Переменная облачность была присуща, выражаясь фигурально, не только монреальской погоде и погоде, при которой жили и трепетали во все время Игр их организаторы. Она существовала и для участников, в том числе для тех, кто рассчитывал на победу. Пожалуй, для них больше, чем для других.

Сказанное относится и к нашей команде.

Мне довелось побывать на двенадцати Олимпиадах (считая и зимние), и я не помню столь острой, а главное, продолжавшейся до последнего дня борьбы почти во всех видах программы.

Каждый вечер с 23.30 до 0.30 передавалась по телевидению сводная программа за день. Комментаторы переносили телезрителей из зала в зал, со стадиона на стадион. Впрочем, Игры демонстрировались целый день по нескольким программам так, словно в мире ничего больше не происходило. В течение дня можно было увидеть на экранах телевизоров, установленных в кафе, ресторанах, холлах и номерах отелей, в пресс-центрах, в служебных помещениях, наконец, просто в витринах магазинов любые соревнования.

Все монреальские газеты посвящали Играм десятки страниц, а каждое утро для участников издавались подробные итоговые бюллетени. Я считаю, что по полноте, быстроте подачи информации Монреальские игры, безусловно, держат первенство.

У всех нас, советских участников, журналистов, специалистов, словом, всех, кто в разном качестве прибыл на Игры, было, естественно, много дел и не было возможности не только побывать на всех соревнованиях, но даже посмотреть их по телевидению. Однако все мы тщательнейшим образом, огорчаясь и радуясь, следили за ходом командной борьбы, и вопросы: «А как там борцы, не знаешь?», «А как пробежала Казанкина, не слышал?», «А на сколько прыгнул Санеев, не передавали?» — мгновенно начинали звучать, как только мы встречались друг с другом, будь то в деревне, пресс-центре, в холле отеля или просто в метро.

Что ж, и для нас горизонты Олимпиады застигались порой облаками, а порой и тучами. Тучи сменялись голубиной, всходило солнце.

У нас плановое хозяйство, и победу на Олимпиаде мы тоже планировали. Оказывается, можно прогнозировать ход олимпийской борьбы не только вообще, а по дням. И наши ученые сделали это довольно точно. Прогноз относительно числа очков и медалей на данный день (причем не только для нас, но и для наших соперников) в основном оправдывался.

Разумеется, бывали сюрпризы, порой горькие, но их компенсировали сюрпризы приятные. Ну кто, например, мог ожидать, что советские борцы, справедливо названные руководителем нашей делегации С. П. Павловым «истинными героями всей Олимпиады», завоеуют 18 из 20 возможных медалей, в том числе 12 золотых! А вот наши прославленные боксеры вынуждены были довольствоваться одной серебряной. Самый оптимистичный прогнозист не решился предположить, что и женщины наши и мужчины станут чемпионами по гандболу. И, наоборот, самый мрачный пессимист был убежден, что уж волейболисты-то вернутся с золотыми медалями, а баскетболисты и ватерполисты — хотя бы с серебряными.

Когда подсчитывали возможные золотые награды в легкой атлетике, то обычно начинали так: «Ну, Фаина Мельник — это железно, Виктор Санеев — тоже, вот Валерий Борзов...» И начинали цокать языком. Что ж, Санеев действительно совершил уникальный, пожалуй, олимпийский подвиг: в третий раз стал чемпионом! Не помню другого такого примера в истории послевоенных Олимпиад. Борзов... Борзов сделал что мог. Мы летели с ним в Монреаль в одном самолете и долго беседовали. Он имеет точное и полное представление о современном спорте, о его возможностях и возможности потерь в нем. И, говоря о своем будущем выступлении, он был трезво и разумно сдержан. Валерий Борзов вернулся с двумя медалями, хотя и не золотыми, а бронзовыми. Соперники ведь не стояли на месте. Борзов не стал хуже, лучше стали они. А вот Фаина Мельник, у которой «железно» должна была быть золотая медаль, не получила никакой. Ну кто ж мог такое предположить...

Так что в сюрпризах тоже была череда: приходилось глотать разные пилюли — и горькие и сладкие. Вторых, к счастью, было больше.

В конечном счете победа наша на этой труднейшей, жестокой по накалу борьбе Олимпиаде оказалась полной, триумфальной. По всем показателям — медалям всех достоинств, очкам — мы убедительно отор-

вались от главных соперников, перебив свой мюнхенский рекорд.

Ныне неизмеримо возросла цена олимпийского золота. Так вот, когда шел разговор о выступлении трех главных претендентов на абсолютную победу — СССР, США, ГДР, — то все спорщики, комментаторы, прогнозисты, в основном говорили именно о золотых медалях. Как-то даже странно выглядело слегка пренебрежительное отношение к серебру и бронзе. Споры нет, металлы имеют свою ценностную иерархию. Потому и получают первый золотую медаль, второй серебряную, а третий бронзовую. Но ведь и бронзовая медаль, да что там медаль, одно очко добывается сегодня на Олимпиаде немисливо, чудовищно напряженным трудом, трудом, длящимся годы, долгие годы. Лишь само участие в Олимпийских играх — великая честь для спортсмена, венец спортивной карьеры. Что ж тогда сказать о почетном месте, тем более о бронзовой медали!

Конечно, кому многое дано, с того многое и спросится. И то, что мы вправе ждать от Василия Алексеева или Николая Андрианова, мы не требуем от Маши Филатовой или... И все же... Все же не след восхитаться лишь золотом. Даже для нас, беспорных победителей, любая медаль — великая награда, огромный вклад в общую победу.

А между тем в нынешних оценках олимпийских достижений все больше просматривается тенденция считать лишь золото. Не случайно ведь все монреальские газеты, ежедневно печатая сводку набранных медалей, неизменно ставили на первое место страну, имевшую наибольшее количество золотых, независимо от количества других. Например, в итоговой таблице, опубликованной всей канадской, и не только канадской, печатью, Куба стоит выше Румынии, так как ее команда набрала 6 золотых медалей, а румынская — на 2 меньше. Между тем у румын на 5 серебряных и на 11 бронзовых, а всего на 14 медалей больше. У Англии на 8 медалей больше, чем у Швеции, — на 5 серебряных и на 4 бронзовых, но на 1 золотую меньше, и в таблице она стоит после Швеции.

У нас иной, справедливый подсчет, где учтено все и общее количество медалей, и достоинство каждой, и почетные места, и сумма неофициальных очков.

Победа социалистических стран в Монреале была убедительной. Большинство из них на вершине таблицы, а Германская Демократическая Республика просто совершила подвиг, обогнав США. Это лишний раз свидетельствует о том, что спорт, как зеркало, отражает социальный и политический строй. Большой спорт, куда ни кинь, — производное от спорта массового, от физической культуры, в свою очередь, отражающих общую культуру страны, отношение государства к здоровью народа, к его материальному и физическому благополучию, свидетельствующих о заботе и внимании к этим вопросам. Победы ГДР над США, Польши и Румынии над Японией, Болгарии и Венгрии над Канадой и Англией, Чехословакии и Кубы над Францией и Австралией говорят сами за себя.

И пусть помолчат иные западные «критики», толкующие о якобы особых условиях, которые созданы в социалистических странах для спортсменов. «Особые условия» для спортсмена высшего класса, для олимпийцев, создаются во всех странах. Разница в том, что у нас такие условия существуют для всех, кто вообще занимается спортом. Огромные деньги тратятся на спортобъекты и инвентарь, на спортивные учебные заведения, тренеров, спортлагеря, проведение соревнований и т. д. Но тратятся государством, ведомством, профсоюзом, а не лично спортсменом, не менсенамом, не коммерческим клубом. Поэтому у нас спортом занимаются миллионы, и из них и выходят олимпийские чемпионы.

Итак, Игры закончились. Закончились полной победой советских спортсменов.

Теперь впереди Москва. Многие из тех, кто выступал в Монреале, очень молоды — снижение среднего возраста олимпийцев вообще характерное явление последнего времени, — они будут выступать и на XXII Олимпиаде.

Наверное, никому в голову не приходит мысль, что советские спортсмены, столь триумфально шествующие, начиная с первого своего выступления в 1952 году, по олимпийскому пути, могут не выиграть Олимпиаду у себя дома.

Я тоже не сомневаюсь в нашей будущей победе. Однако работа предстоит огромная и уроки Монреаля, как горькие, так и отрадные, будут долго анализироваться, изучаться, чтобы не повторить ошибок, чтобы повторить удачу.

В 1980 году нам предстоит держать двойной экзамен — как участникам и как организаторам. Экзамен труднейший. И как было бы хорошо, если б, заканчивая в те дни программу «Время», теледиктор сказал: «Москва — с утра до вечера солнечно».

Имея в виду олимпийскую погоду.

А на дворе пусть идет дождь, ничего, не размокнем...

Хлеб наш насущный

С Олегом Шестинским я познакомился три года назад во время поездки по Уралу. Стояла середина лета, самый пик, когда солнце должно было бы жарить невыносимо, небо было плотно застелено облаками, моросил дождь. Под давлением этой осенней в середине лета слякоти все в нашей группе враз поскунулись, притихли.

И вдруг однажды вечером—это происходило на берегу озера с таежным именем Сугамак—Олег Шестинский, стоя у самой воды, начал читать стихи, одно за другим. Тут были и его собственные стихотворения и стихи его товарищей по группе—Людмилы Татьяничевой, Раисы Ахматовой, Павла Железнова, стихи местного старожила, ныне покойного Бориса Ручьева. Это был необычный поэтический вечер.

И хотя я хорошо знал поэзию Олега Шестинского и раньше, я тогда как-то по-новому начал воспринимать все, что он пишет.

Недавно у Олега Шестинского вышла новая книжка, заглавие которой звучит как призыв: «Будь Садовником Земли» («Современник», 1975). Садовничать, в понимании поэта,—значит очищать землю от накипи, от наносного и чуждого, сеять зерна нового, разумного, чистого. В центре сборника—четыре поэмы: «Хлеб наш насущный», «Будь Садовником Земли» (поэма, которая дала название книге), «Реквием бессмертному классу» (переводы стихов Евтима Евтимова, болгарского поэта) и «Баллада о матери».

Поэма «Хлеб наш насущный» посвящена Василию Тимофеевичу Христенко, жителю Алтая, первому секретарю Шпунтовского райкома партии, Герою Социалистического Труда, человеку, лелеющему землю, чтобы рос на ней большой хлеб.

Посидим, Василий Тимофеевич, непривычно тихо за окном, отошли дожди и сушеви, пряно пахнет убранным зерном.

Говорят: «Не хлебом, мол, единым...»
Кто так говорит, наверно, слеп...
Я читаю по твоим морщинам повесть о твоей борьбе за хлеб.

В том, как зерна наливались в груди молодых колосьев добега, заключался интерес твой сущий, а точнее, жизнь твоя была,

В ином ключе написана поэма «Будь Садовником Земли», она повествовательная, неторопливая по своему психологическому состоянию, в ней много размышлений, философских обобщений. Это поэма-раздумье. «Реквием бессмертному классу» принадлежит перу болгарина Евтима Евтимова и рассказывает о ребятах-школьниках, сражавшихся с фашизмом в годы войны. Эта вещь очень близка Олегу Шестинскому, который пережил все тяготы блокадного Ленинграда.

Читаю я эту книгу и вспоминаю нашу поездку, Олега Шестинского, читающего стихи. И звучит в ушах его голос, полный добра и любви к людям...

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ПРОЗА

Открыть самого себя...

Уверен, что книга Владислава Хорхордина «Земляника», вышедшая в издательстве «Детская литература» в 1975 году, адресованная детям, подарит и взрослым, давно оставившим Страну Детства, немало светлых мгновений. На страницах ее переплелись быль и небыль, реальность и мечта—целый, безграничный, удивительный мир, где «живут» в старой липе домовые и бродят по дорогам новости откуда взявшиеся белые слоны,—и мир этот дорог тебе, словно взят из твоей собственной ребячьей фантазии...

«...Самое большое богатство человека—сам человек,—говорит в предисловии автор.—Богатства легко в руки не даются, даже в сказках, и человеку тоже нужно добывать самого себя. Клад близко, много путей ведут к нему, но иногда за ним приходится уезжать и уходить на край земли...»

Необычно и построение книги. В ней шесть разделов, включая стихи и небольшие, подчеркнуты аллегорические сказки. Ключ к каждому разделу—поэтическое вступление.

Лишь в детстве
время есть
Послушать песни

Трав,
Вглядеться в мир,
Кипящий под ногами...

Невольню ловишь себя на чувстве доброй зависти к автору, умеющему не только показать неповторимую красоту реки, леса, описать повадки их обитателей, но и увидеть уснувший в оскоке ветер, понять язык дерева, услышать—как слышал Пришвин,—что под снегом мышь грызет корешок...

Особо хочется упомянуть о рассказе «Земляника», давшем название всему сборнику. Он совсем не о чудо-ягодке, как можно было бы подумать. Он о Каляне, бесстрашном и добром мальчишке, который, несмотря

на несправедливость судьбы, наперекор ей будет счастлив.

Кстати, новую книгу В. Бахревского населяет веселое мальчишечье племя. Вот на берегу реки лежит безымянный юный фантазер и неотрывно смотрит на воду: он уверен, что в том самом месте, где кружит водяная лунка, на дне лежит старая-престарая щука—эко разглядеть бы, а? Вот десятилетний Сережка, повелитель всемогущего Великогора, друга всех, кто сегодня в беде на нашей земле. А рядом с ними—необыкновенный дальтолет Юрий Зубков, что видит весь мир красным, Ванюша-музыкант, которому помогли побороть трудноизлечимый недуг его верные друзья—кони...

Характерно одно авторское примечание: «С точки зрения медицины рассказ фантастический. Автор ручается за правду чувств».

Думается, в том сможет поручиться каждый, кто прочтет эту умную, очень нужную книжку. О чем бы ни шла в ней речь—о берегах или гречах, листопаде или степном небе, перекати-поле или лазурите,—автор заставляет звучать самые сокровенные струны нашего сердца.

Иван МЕЛЬНИКОВ

О самом главном

Трудно говорить с детьми о серьезных вещах. О жизни, например. Вдвое, адесятеро труднее это сделать на бумаге. Читая иную книгу и прямо физически чувствуешь, как автор напрягает голос, «дает петуха», тужится—тут тебе и сюжет нарастает, и тайны, перелицованные из ненадежной ткани заимствований, сыплются на оглушенного читателя чуть ли не в каждой главе; и шлагги сверкают, и натужный хохот героев покрывает все и вся... А закроешь переплет, и становится ясно—это же был только фантик. Блестящий, правда, красивый и все такое прочее, но фантик.

Но есть другие книги. Они говорят негромким голосом, с уважением к маленькому читателю-слушателю. Говорят по-заправдешнему, приглашая подумать вместе. Конечно, и поиграть, и посмеяться, но все-таки главное—попробовать подумывать, остановиться, оглядеться...

Вот такую—добрую и умную—книгу написал один из крупнейших современных монгольских писателей Лодонгийн Тудэв (Л. Тудэв. «Открывая мир...». Новеллы. Москва. «Детская литература», 1974 г.). Это книга о вечной и неисчерпаемой теме—об открытии маленьким человеком мира. Книга об истории, которая началась в один из августовских вечеров в год Белой свиньи шестнадцатого столетия шестидесятилетнего цикла (по-нашему, в 1936 году), когда мужская половина населения планеты пополнилась одним монгольским мальчиком.

Он, как и любой малыш, самолюбиво играет, рисует, учится, получает затрецины, дает сдачи, попадает в самые разные переделки,—и все время растет

Очень мягко, тактично ведет нас писатель по этому пути. Конечно, многое непривычно для нашего читателя—первые буквы маленького героя выводит заостренной щепочкой на ровном слое золы; он переживает целую серию забавных происшествий, когда охотится на жителей пустыни—табарганов; в трудные военные годы учится писать на скотлотах в длинные свитки, отрезанных от газеты длинных белых полах... Однако все это воспринимается легко, потому что и монгольский, и русский, и венгерский, и австралийский ребенок идет к взрослости по одним и тем же, в сущности, ступенькам...

...—Будешь шалить,—говорят герою новеллы Л. Тудэва,—придет горная ведьма и забереет тебя.

Страшно? Еще бы! Ведь она живет среди скал, у нее толстые-претолстые ноги, черные руки и маленькие красные глаза... Но что значит страх перед ненасытным интересом к чуду, перед стремлением все увидеть своими глазами, попробовать свои силы в единоборстве пусть даже с этим чудовищем! И мальчик незаметно пришивает халат гостя к коврику, на котором тот сидит; прокалывает бурдюк с кумысом у бабушки...—ведь нужно набедрокорить так, чтобы явилась наконец эта пресловутая черная ведьма!

Или вот—мелюзга, первоклашки, чтобы помочь русским братьям победить проклятого Гитлера, решают идти на войну против еще более страшного, чем горная ведьма, чудовища—против войны, которая лишила их карандашей и тетрадок, которая вылакала их чернила и выхолодила школу... Они заговлаивают всем классом шестьдесят с лишним рогаток и идут отправившись в бой к своему учителю. Тот хохочет до слез («война, ребята, такое чудовище, которое рогатки не возьмешь»), а затем говорит: «Но если даже такие малолетки, как вы, против войны вооружились, то уж ей и впрямь некуда деваться, конец ей скоро придет...»

Знакомство с миром тянулось довольно долго,—пишет Л. Тудэв в своеобразном эпиграфе книги.—Продолжается и сейчас. «Я рассказал вам коротко только о самом интересном, что случилось со мной в то время. И если юный читатель, прочитав ее, с новым интересом оглянется вокруг, я буду считать, что мой труд не пропал даром».

Какая трудная и какая благородная задача!

Владислав ХОРХОРДИН

ПУБЛИЦИСТИКА

Опасная и страшная работа...

В недавнем номере «Смены» была опубликована беседа с Павлом Минаржиком. С чехословацким разведчиком, семь лет работавшим на радиостанции «Свободная Европа». Ответ

чая на один из вопросов, Минаржик сказал, что он стремился походить на таких людей, как Зорге.

И вот новая книга. «Голос Рамзая» (издательство «Московский рабочий»). Книга о Рихарде Зорге. Книга о жизни и подвиге коммуниста, ученого, публициста. Книга о жизни и подвиге разведчика.

Не детектив, хотя есть здесь, разумеется, и шифры, и тайные встречи с агентами-связниками, и донесения, спрятанные в деревянную фигурку Будды.

Не детектив, хотя сюжет книги определяется во многом схваткой над пропастью, схваткой, которую вели против небольшой разведывательной группы такко—специальная высшая полиция министерства внутренних дел Японии и кемпайтай—военная осведомительная служба. Такко и кемпайтай, объединившие свои усилия.

Нет, не детектив. Авторы книги Сергей Голяков и Владимир Понизовский не много уделяют места тайному миру рыцарей плаща и кинжала.

В центре повествования образ Рихарда Зорге. Убежденного патриота, бесстрашного солдата, отдавшего жизнь борьбе против фашизма, против войны.

Едва ли кто не слышал об этом мужественном человеке. О нем написаны книги, миллионы людей видели фильм «Кто вы, доктор Зорге?». Но «Голос Рамзая» читается с неслабевающим вниманием, не отрываясь, взахлеб. Потому что узнаешь много нового, потому что ближе знакомишься с Рихардом Зорге, с его размышлениями о задачах, возложенных на советского разведчика, лучше понимаешь, в чем состояла работа Рамзая.

То были будни, где нет места ни праздникам, ни выходным дням. То было время, когда солдат неделями, месяцами, годами не покидал передовую.

Работа разведчика многогранна и необъятна, сопряжена с постоянной опасностью, и самая большая, по моим представлениям, удача авторов и заключается как раз в том, что им удалось показать рабочие будни Рамзая с помощью его собственных размышлений, опираясь на рассказы соратников Зорге, на документы, связанные с их работой.

Зорге говорил: «Я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги Японии. К нам никак не относится тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион»... Центр инстинктивно нас в том смысле, что мы своей деятельностью должны отвести возможность войны между Японией и СССР».

Москва знала: Япония не нападёт на Советский Союз,—и из Сибири, с Дальнего Востока шли на запад эшелоны с солдатами, танками, артиллерией.

Бесконечные встречи с самыми разными людьми, дружба с послом фашистской Германии в Токио, тщательное штудирование местных газет (разведчик должен уметь читать и между строк), сотни корреспонденций, отправленных в Берлин и Франкфурт,—и тысячи радиogramм, принятых Центром. Только в сороковом году было передано двадцать девять тысяч пятнадцатичасовых цифровых групп.

Несколько лет назад я прочитал сборник стихов Владимира Жукоса «Эхо». Было там и короткое, но чрезвычайно выразительное стихотворение «Пулеметчик», которое запомнилось мне, видимо, навсегда: «С железных рук пулемета он не снимал ладоней в дни войны... Опасная и страшная работа. Не вздумайте взглянуть со стороны».

Опасная и страшная... Это и о труде разведчика. Немыслимо трудная, нечеловечески трудная работа.

Олег СПАСКИЙ

Юрий РОСТ
Фото автора

“Аргус” УХОДИТ ПОД ВОДУ

Надо все восстановить в памяти, потому что события произошли слишком быстро.

На оранжевой надувной лодке мы подошли к вынырнувшему из-под воды «Аргусу», и руководитель погружения Александр Подражанский открыл люк:

— Витя! Может, возьмете четвертым корреспондента?

После быстрых переговоров я, не очень ловко ступив на крохотную — в одну ступню — палубу, передал вниз фотоаппарат и спустился сам.

Теперь, прежде чем начать описание моего короткого подводного путешествия, ознакомимся с действующими лицами и местом действия.

Чем знаменит Геленджик? Геленджик знаменит своими курортами. Люди в Геленджике степенно гуляют по набережной.купаются в море. Словом, в основном отдыхают.

Исключение составляет Голубая бухта, куда приезжают, чтобы с рас-

светом приступить к активной работе, а в темноте ее закончить. В Голубой бухте расположено южное отделение Института океанологии АН СССР имени Ширшова. Здесь занимаются подводными работами, отрабатывают навыки вождения подводных глубинных аппаратов. Словом, здесь вотчина отдела техники подводных исследований. И, наконец, здесь «Аргус» учится плавать. Вернее, сегодня его впервые учат плавать. Учат те, кто проектировал и строил.

Я попал в Голубую бухту, когда весь коллектив опытного конструкторского бюро института был занят работой, которую научной можно назвать с натяжкой. При помощи лебедок, ломов и домкратов «Аргус» устанавливали на спусковую тележку. Все были вымазаны в масле, злы и деловиты.

Степеннее других держался небольшого роста человек по имени Иван Босак. Он давал советы и неожиданно оказывался в самом необходимом месте. То здесь, то там Бо-

сак успевал сделать своими золотыми руками много полезного. Но начальником он не был. Он был автором стеклопластикового корпуса «Аргуса», его приятных глазу желтых крутых боков, лихой рубочки, делавшей аппарат похожим то ли на субмарину из жюль-верновских романов, то ли на дирижабль, который решил поплавать под водой.

Виктор Бровко двигался энергично, говорил решительно, легко и заразительно смеялся над шутками Подражанского, а когда кто-нибудь ошибался, становился рядом и исправлял. Он работал не эффективно, но эффективно. О том, что именно он руководитель ОКБ, мне сказали позже. Я узнал, что Бровко — один из представителей «новой волны» отечественных исследователей океана, людей, начавших его «заселение», что он вместе со своим другом старшим инженером Александром Подражанским принимал участие в экспериментах, связанных с подводными домами, что они одними из первых осва-

ивали глубинные подводные аппараты и первыми в стране получили международные сертификаты на право пилотирования автономных ПА.

А главным конструктором аппарата был Николай Гребцов. Он сидел на корточках, сложив руки между колен, и смотрел на покоящуюся на спусковой «телеге» подводную машину. Дело было сделано, и вся группа — инженеры и техники Женья Павлюченко, Володя Фокин, Светлана Кузнецова, Саша Уточкин, Оля Устинова, Толя Сидоров, Миша Суворов, — посидев минутку, разошлось по своим суекам готовить машину и аппаратуру к первому спуску.

Бровко, Гребцов и Подражанский пошли в домик-лабораторию. Они решили накануне погружения «проиграть» все варианты, предусмотреть все непредвиденные «а что, если?..». Двое задавали вопросы — главный конструктор отвечал. Иногда он задумывался, и тогда все разворачивали большую «синьку» и долго ее исследовали. Море не прощает ошибок.

допущенных в проектировании и строительстве надводных судов, хотя они много проще и безопасней и есть возможность в случае аварии пересесть в шлюпку, вертолет, на другой корабль. Конструктивные же изъяны глубинного подводного аппарата чреваты гибелью экипажа. На помощь ПА может прийти только другой ПА, и то если он рядом, уж слишком велика глубина погружения аппаратов.

Ночью в маленьком деревянном домике, где мы спим с Бровко, я задаю ему свои бесчисленные вопросы.

— Зачем вы возитесь с «Аргусом», ведь есть же другие аппараты, работающие, как и он, на 600 метрах? Разве нельзя их приспособить, унифицировать, чтобы потом тратить время и деньги на решение других научных проблем?

Бровко засмеялся.

— Раз эта мысль пришла тебе в голову в первый же день знакомства с аппаратом, можно допустить, что она уже кому-нибудь из нас приходила. Существует особая «идеология» ПА, она определяет его будущие функции. А эти функции определяют круг задач, которые должны решить конструкторы, создавая аппараты. И еще один момент. Любой универсализм ведет к снижению надежности. А надежность в нашем деле все. Ни одного исследования ты не проведешь, если аппарат сначала не погрузится, а потом не всплывет. Ясно?

— Особенно последняя мысль. А какова «идеология» «Аргуса»?

— В основном придонные исследования на глубинах до 600 метров. «Аргус» — единственный в стране аппарат, который может работать на морском дне и дне океана. Ползая на своих лыжах, он сможет исследовать придонную фауну и флору, брать образцы грунта, заниматься геологическими съемками. Его, кстати, можно использовать для изучения степени разрушения подводных гидротехнических сооружений. Словом, на дне у него много работы.

Но «Аргус» может работать и в толще воды. Он оснащен различной научной и навигационной аппаратурой, которая пока не применялась на аналогичных судах. Например, автопилотом. У него забортное телевидение, прожекторы, иллюминаторы. Короче, это хороший рабочий аппарат. Завтра, может, проверим его...

Мы проснулись от яркого солнечного света. На пороге домика в картинной позе стоял Саша Подражанский.

— Нырять подано! — крикнул он. — Гребцов со всей компанией уже на берегу.

Возле «Аргуса» суетились «кабешники». Проверяли электромоторы, заливали масло, подвешивали балласт.

На берегу в позах русалок с рыночных картин лежали аквалангисты Олег Куприков, Толя Юрчик и Миша Целлер. Ждали спуска. Они будут сопровождать «Аргус» в его первом плавании.

Наконец все готово к спуску. Первый экипаж — Бровко, Павлюченко и Сидоров — занимает место в аппарате. Мы видим их в иллюминатор.

От берега отошла оранжевая лодка с руководителем погружения.

По команде Гребцова заработало спусковое устройство. «Телега» медленно уходит под воду, неся на себе «Аргус». Водолазы надевают акваланги и идут в море. Снимают крепления, и вот уже «Аргус» свободно плавает на поверхности воды.

— Правым вперед! Двумя вперед! — командует Подражанский.

Аппарат легко и послушно уходит от берега.

— А машинка-то ничего, — слышу по рации голос Бровко. На середине бухты «Аргус» просит разрешения погрузиться. И уходит под воду. Только контрольный буй бегаёт по поверхности моря да слышен по рации голос Виктора Бровко.

— Мы на грунте!

— Порядок, можете всплывать...

Три часа «Аргус» нырял и всплывал, проверяя системы, и, наконец, Бровко решил сменить одного члена экипажа. О том, как произошла смена, вы знаете.

Осваивался я не особенно долго. Ничего дискомфорта в корабле не было. Напротив — он оказался уютным, а оттого, что входящие сюда оставляли обувь наверху, создавалось впечатление обидности, домашней обстановки. Хотя, впрочем, команды, которые Бровко отдавал второму пилоту, Толе Сидорову, гул моторов, щелчки тумблеров, шипение выходящего из цистерн воздуха, покачивание корпуса, металлический голос сверху говорили о том, что мы все же не в клубе кинопутешественников.

Первое, что удивило, — крохотные размеры кабины и несоответствие внешней форме «Аргуса». Снаружи он дирижабль, внутри — шар. (Сфера — идеальная форма для глубинных подводных аппаратов.) Жесткий корпус, внутри которого мы находились, имел диаметр всего два метра. И почти все его пространство было заполнено регенерирующими воздух устройствами, системами управления, жужжащими, попискивающими, мигающими приборами.

Никаких надувных лодок, жилетов, спасательных кругов и прочих «парашютов», естественно, нет. Ни к чему...

Температура +23, влажность 70 процентов. Словом, жить и работать можно. Удобно даже. А работать подводным аппаратам придется много.

Океан, пожалуй, единственный неиспользованный резерв человека. Океан богат, но взять эти богатства не просто. Сначала человек надел водолазный костюм и пришел на малые глубины, потом изобрел специальные дыхательные смеси и забрался глубже. Ему стал доступен континентальный шельф. Но шельф занимает меньше десяти процентов дна океана. Остальную площадь по силам осветить только глубоководным аппаратам, автономным, телеуправляемым...

Уже сегодня ПА стали неотъемлемым атрибутом работы в океане. Они используются при аварийно-спасательных, строительных работах, для прокладки кабелей, разведки рыбы и полезных ископаемых, для наблюдения за орудиями лова, киносъемок... Научные специальности ПА перечислять можно долго: самые распространенные пока — геология, акустика, биология, археология.

— Берег, разрешите погружение.

— Погружение разрешаю. Под вами чисто. Водолазов нет.

«Аргус» качнулся и под аккомпанемент выходящего из балластных цистерн воздуха мягко пошел вниз.

— Толя! Давви третий режим вперед.

Сидоров включил оба мотора, и мы понеслись под водой. Собственно, двигались мы со скоростью примерно 5 узлов. Но для машин подобного типа и этого достаточно. Большая скорость «Аргусу» просто не нужна. Он исследователь...

А мне все время казалось, что мы летим. Вокруг — небо очень плотной синевы и рыбы вместо птиц. Над нами дышало море, под нами белело дно с длинными бурями, развевающимися, словно на ветру, водорослями.

— Будешь считать метры до дна, — сказал мне Бровко.

Я кивнул.

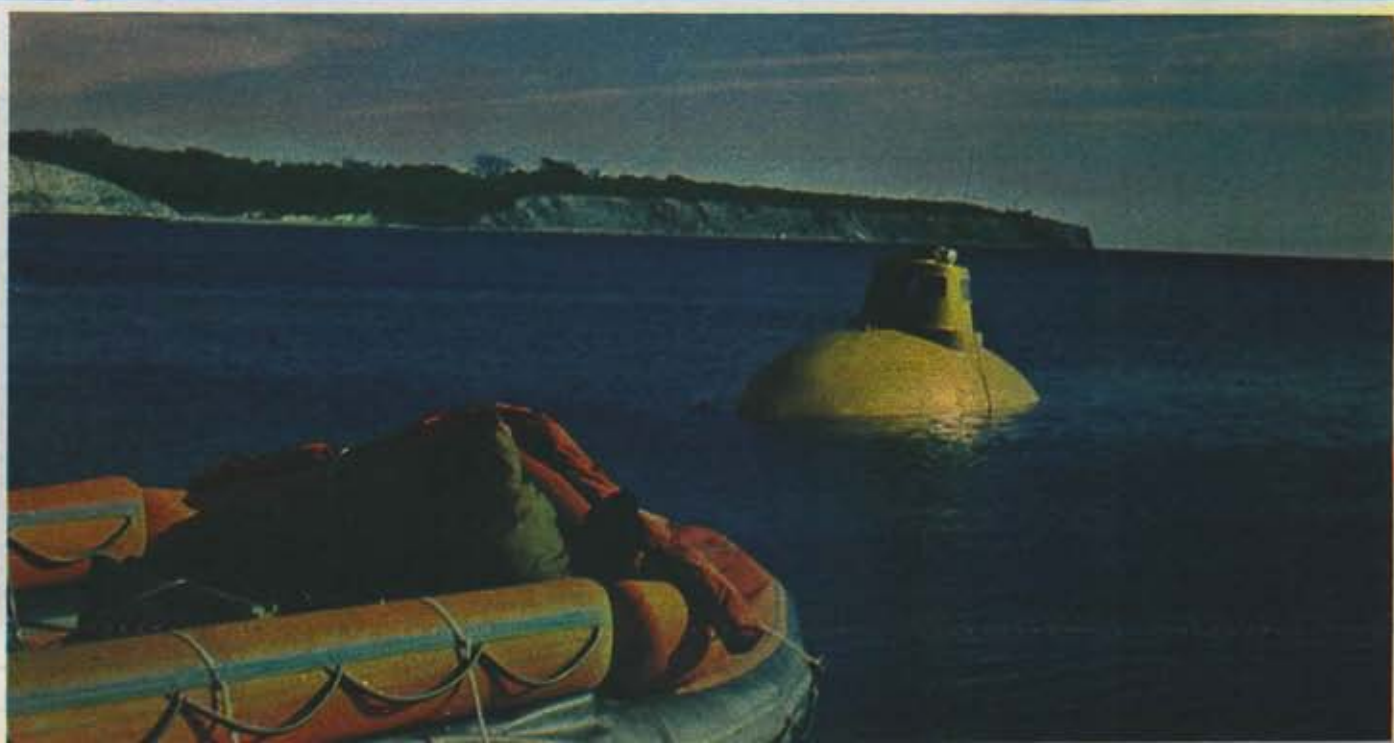
Дно приближалось быстро. Три, два, метр. Легкий толчок! Грунт!

— Мы на грунте!

— Слышу вас. Вы на грунте. Молодцы!

Потом «Аргус» скользил по дну на своих лыжах (в которые, кстати, конструкторы, экономя место, упрятали аккумуляторы), прыгал через валуны, крутился, пятился, всплывал, снова погружался. Повинуясь воле испытателя, он резвился под водой, как необыкновенно большой и толстый дельфин. Бровко и Сидоров снова и снова задавали разные режимы двигателям, выясняя, насколько полно удалось воплотить в металл замыслы конструкторов.

И «Аргус» хвастливо демонстрировал свои способности людям, которые и без того знали его возможности.

СТРАНА - ГАРНИЗОН. КУЛЬТ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОСТИ

ИЗРАИЛЬСКАЯ ПОЛИЦИЯ НА УЛИЦАХ ИЕРУСАЛИМА. ИЩУТ «ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ЛИЦ», ОБЫСКИВАЮТ ПРОХОЖИХ. ОККУПАНТЫ В ЗАХВАЧЕННОМ ГОРОДЕ...

Лев АЛЕКСАНДРОВ

Капралы сбили рекрута с ног и стали топтать его тяжелыми, коваными башмаками.

— Тут тебе не детский сад! — басил бородатый Микки из Хайфы, стараясь ударить рекрута в живот.

— Мы из тебя всю дурь выльем! — злорадно добавил Иехошуа из Безр-Шевы. — Армии Израиля нужны закаленные парни, сопляк! — Фашисты! Фашисты! — хрипел рекрут, теряя сознание.

...С переломами рук и ног и тяжелыми повреждениями внутренних органов 19-летний рекрут Борис Коган, недавно прибывший в Израиль переселенец, поступил в госпиталь Биллинсон на излечение.

Благодаря содействию одной из медсестер госпиталя, которая из благоразумной осторожности пожелала остаться неизвестной, Когану удалось передать родным записку.

Обычный метод посылки почтой исключался: вся корреспонденция в Израиле проходит цензуру управления общественной информации при бюро военной разведки АМАН. Однако записка была прочитана отцом Когана, когда Борис уже скончался от полученных побоев...

Командование израильской армии сумело замаять это преступление, которое так не вяжется с утверждениями глянцевого армейского рекламных проспектов, будто Силы обороны Израиля — это армия народа, армия всех граждан страны. И только на страницах израильской газеты «Джерузалем пост» 21 июля 1975 года появилась небольшая заметка, сообщающая, что в «цахал» — так сокращенно именуется израильская армия — имеют место случаи «дурного обращения» с рекрутами...

Это было, очевидно, первое официальное сообщение (ибо «Джерузалем пост» не без оснований считают рупором правительства Израиля) о поло-

жении в «цахал», выходящее за рамки обычных славословий относительно «исключительного демократизма», «высоких моральных устоев» и тому подобных хвалебных эпитетов в адрес военизированной сионизма.

В Израиле культивируется миф об особо высоких боевых качествах израильской армии. Этот миф усиленно раздувается просионистски настроенными трубадурами тель-авивских агрессоров на Западе. Доброхоты сионизма утверждают, будто «цахал» свойственны особая монолитность и исключительный боевой дух. Французская газета «Орор» (собственность миллионера Буссака, который связан с сионистами), например, поместила статью некоего Гольдштейна, побивающую многие рекорды низкопоклонства перед экспансионистами Тель-Авива. Без тени сомнения Гольдштейн утверждает, будто по своей боевой мощи «цахал» может считаться в первой десятке лучших армий мира!

Однако на деле подобные утверждения далеки от действительности. Они представляют собой лишь составную часть изощренной психологической войны, которую ведут международный сионизм и израильские экспансионисты. Цель этой войны — запугать арабские народы, парализовать их волю к борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Израиль — классовое капиталистическое государство, официальной идеологией которого является сионизм — националистическая расистская система взглядов, во многом схожая с идеологией фашизма. Израиль представляет собой ударную силу мировой реакции на Арабском Востоке, направленную против национально-освободительного движения народов этого района, на захват месторождений нефти в арабских странах, на установление неокOLONIALISTСКОГО господства в странах Азии и Африки.

Израильское правительство соответствующим образом организует подготовку исполнителей этих предначертаний — рядового и командного состава «цахал». А точнее говоря, всего способного носить оружие населения страны. Ибо усилиями сионистского правительства Тель-Авива Израиль превращен сейчас в сплошной военный лагерь.

...Мэрион Террис, молодая домохозяйка из города Реховот, пришла на обследование в местную больницу. И в ужасе зажала уши: из операционной неслись дикие вопли.

— Оказывается, врачи действовали без анестезии! — пишет Мэрион Террис на страницах израильской газеты «Давар». — Я не представляла себе, что такое может быть в XX веке!

— Да, приходится оперировать без наркоза! — раздраженно ответил через газету шеф клиники профессор Дьюи-Козн. — Нет средств на анестезиологию!

Не правда ли, это сообщение кажется невероятным! Но так оно и есть на самом деле в Израиле, государстве, которое сионистская пропаганда называет землей обетованной...

Операции без анестезии, по живому телу... Но та же «Давар» в своем воскресном приложении с большим пафосом повествует о широких маневрах израильских войск на оккупированной арабской территории, похваляясь, что артиллерийский парк армии за прошедшие два года увеличился на 80 процентов...

Да, на вооружение в Израиле денег не жалеют: 49 процентов государственного бюджета, 3 миллиарда 700 миллионов долларов запланировано израсходовать на пушки, танки, самолеты правительством И. Рабина в текущем финансовом году! Добавьте к этому заявку, направленную США, на поставки сверхсовременного аме-

риканского вооружения на сумму в 1,8 миллиарда долларов!

Военный психоз постоянно нагнетается.

Улицы городов Израиля заклеены плакатами министерства труда, которые призывают домохозяйки поступать на 100—200-часовые курсы для овладения рабочими профессиями на случай войны, чтобы заменить на заводах мужчин-резервистов.

На границах с Сирией и Иорданией по инициативе военного министра Ш. Переса созданы боевые отряды из инвалидов и стариков в возрасте до 70 лет. Есть батареи 105 мм орудий, обслуживаемые исключительно седебородыми воинами.

Начата своего рода психологическая обработка населения с учетом преобладающего влияния в Израиле религии иудаизма. Газеты на видном месте публикуют предсказания астрологов и раввинов, которые уверяют, будто вскоре начнется запрограммированная библией война Гога и Магога. Приводится даже четкое расписание предстоящих военных действий. Газета «Гаарец» от 5 октября 1975 года, основываясь на выкладках неох Шабтаи Шило и Илана Покара, сообщила: боевые операции начнутся на границах с Сирией и Иорданией. Израиль захватит всю Иорданию и большую часть Сирии, включая Дамаск.

Публикуя эти провокационные материалы, «Гаарец» подчеркивает, что Шило и Покар не болтуны, они, дескать, предсказывали в свое время «трудные дни» для Израиля в октябре 1973 года...

Создается впечатление, что за ширмой разговоров о стремлении к миру на Ближнем Востоке правящие круги Израиля идут на поводу у самых правых сил страны, связанных с сионистскими и милитаристскими кругами, с иностранными монополиями, производящими вооружение.

Чуть ли не каждый день с Ближнего Востока поступают известия о новых разбойных провокациях Израиля против сопредельных арабских государств. Израильские боевые корабли блокируют южное побережье Ливана, военщина Тель-Авива содействует разжиганию братоубийственной войны в Стране кедров. Израильская военщина творит террор на оккупированных арабских землях, агрессоры цепляются за захваченные территории. Упоенный безнаказанностью, Тель-Авив, используя поддержку мировой реакции, продолжает игнорировать требования международной общественности и решения ООН.

Израиль обычно называют самым милитаристским государством нашей планеты, «страной-гарнизоном»: действительно, военная подготовка израильтянина начинается буквально со школьной скамьи. Еще только приступая к разбору по слогам значков иврита, первоклашка заучивает наизусть из библии: «Вот ваша земля, сыны Израиля, от реки Египетской (Нила.—Л. А.) до великой реки, реки Евфрат». В течение восьми лет учебы израильские школьники 1500 часов изучают «священные книги», с помощью которых детям вдалбливаются «исторические» и идеологические обоснования экспансионистских устремлений сионизма, ненависть к арабам и прочим неевреям, расистские бредни о якобы существующей «исключительности» евреев.

Вооруженные подобной «теоретической» подготовкой, израильские подростки с 14 лет попадают на практическую муштру в батальоны полувоенной организации «гадна», которая имеет военно-морскую и военно-воздушную секции. Юношеский корпус «гадна» находится одновременно в ведении и министерства просвещения и военного министерства. Ежегодно в батальонах «гадна» обработ-

ке подвергается до 20 тысяч молодых израильтян.

Молодежь постарше вербует в организацию «нахал», в которой занятия сельским хозяйством сочетаются с военной и пограничной службой.

Культ насилия и жестокости — составная часть программы обработки молодежи и в организациях «гадна» и «нахал», и в армии Израиля. Эта обработка проводится на государственном уровне, в ней принимают участие даже министры. Выступая перед солдатами, М. Бегин, в бытность свою членом кабинета Г. Меир, прямо призвал: «Вы, израильтяне, не должны быть сердобольными, когда убиваете врага. Вы не должны сочувствовать ему до тех пор, пока мы не уничтожим так называемую арабскую культуру, на развалинах которой мы построим свою собственную цивилизацию!»

Известно, что понимает Бегин под «строительством цивилизации»: именно под его руководством сионисты уничтожили в 1948 году арабскую деревню Деир Ясин, вырезав большинство ее населения, включая женщин и детей...

Милитаризм пронизывает собой все поры политической и духовной жизни израильского общества. «Израильтянин — это солдат, имеющий отпуск 11 месяцев в году, — невесело шутят в Израиле, — отмечал французский журнал «Монд дипломатик». Действительно, как писал в своей книге «Сионизм против Израиля» Натан Вейнсток, роль женщины в общественно-политической жизни Израиля беспрестанно растет. «Армейская элита играет ведущую роль в израильской бюрократии и в управлении промышленностью, — отмечает, в свою очередь, сионистский автор А. Перльмуттер в книге «Военные и политика в Израиле». — Многие из них заняли важные посты в гражданской администрации, особенно в министерстве иностранных дел».

Влияние гарнизонной атмосферы в Израиле чувствуется повсюду, начиная с военного жаргона, который прочно вошел в бытовую речь, в репертуар армейских ансамблей, побеждающих на конкурсах, и кончая передаванием в одежду военнослужащих детей на традиционном еврейском карнавале — празднике «пурим».

Изошенной сионистской обработке подвергаются и все иммигранты призывного возраста. В Израиле их направляют в лагерь «нахал» или зачисляют на действительную военную службу. «Для новых иммигрантов, — утверждает израильская пропаганда, — служба в армии является решающим этапом в становлении хорошего гражданина». Иммигранты составляют 15 процентов персонала армистей; еще более высока доля иммигрантов в танковых войсках. Многие танки и самоходки имеют на борту номерной знак, очерченный белым кругом: это означает, что более половины их команд не коренные израильтяне, а молодые иммигранты. Сотни таких сожженных и разбитых машин можно было увидеть на Голанских высотах и в Синайской пустыне в октябре 1973 года...

Сегодня страницы израильских газет заполнены фотографиями молодых парней. Это «свежие кавалеры»: в Израиле завершается награждение участников октябрьской войны 1973 года. Награды вручает начальник штаба армии «цахал» М. Гур. Лицо генерала на снимках скорбно: зачастую ему приходится смотреть в глаза не воинов, а женщин, стариков и детей, вдов и сирот, безутешных отцов и матерей. Ведь по опубликованному израильскими газетами списку, до 40 процентов военных награды были присуждены посмертно...

«Мы, израильтяне, становимся на-

цией, у которой родители хоронят своих сыновей, нацией калек и вдов!» — заявила член делегации антисионистов Израиля, посетившей недавно СССР, госпожа Фелиция Лангер, известный адвокат.

За шестнадцать дней боев в октябре 1973 года, согласно данным, опубликованным в израильской прессе и, следовательно, прошедшим военную цензуру, «цахал» потеряла 2500 человек убитыми и 7500 человек ранеными. Сравните эти цифры с данными о потерях «цахал» в период тройственной агрессии 1956 года и во время «шестидневной войны»: согласно «Энциклопедии сионизма и Израиля», выпущенной в Нью-Йорке, потери «цахал» убитыми в 1956 году составили 108 человек, а в 1967 году — 1046 человек.

Бессспорно, израильские данные о потерях в этих конфликтах занижены. Но дело не в этом, а в изменении пропорционального соотношения между цифрами — даже официальными — потерь израильской армии.

Людские потери, как следствие агрессивной политики Тель-Авива, возрастают с каждым новым вооруженным конфликтом на Ближнем Востоке не только в геометрической прогрессии. Но и в процентном отношении к численности еврейского населения Израиля, которое за время с 1956 года по 1973 год выросло незначительно — с 2700 тысяч человек до 2960 тысяч человек. В итоге если в 1956 году один убитый на войне приходился на 25 тысяч израильтян, то в 1973 году этот «расклад смерти» составлял одного убитого на 1184 человека...

Меир, будучи премьер-министром, была вынуждена признать: в октябрьской войне 1973 года потери израильтян в процентном отношении к численности населения были выше, чем потери американского экспедиционного корпуса во Вьетнаме! В этом признании Меир содержится и косвенная оценка возросшей боевой мощи арабских армий, сумевших нанести израильской военщине, вооруженной тем же оружием, что и американский корпус во Вьетнаме, тяжелое поражение.

Типичным для израильской армии является широкое использование немиков, что, кстати сказать, всегда было свойственно всем армиям, воюющим за неправо дело.

По египетским данным, перед началом нападения Израиля на арабские страны в 1967 году в Израиле прибыло около тысячи «добровольцев» из США — военных летчиков и штурманов, ранее служивших в американских частях в Европе и на других континентах. Наряду с американскими военнослужащими вербовались и западногерманские граждане.

В дни израильской агрессии в июне 1967 года многие десятки летчиков-наемников из США и ФРГ обеспечили преимущество Израиля в воздухе. По свидетельству одного из них, пилота американской армии Б. Ларссона, опубликованному в шведской газете «Афтонбладет», «в израильских самолетах летали мы, американцы. Всего нас было 192 человека. Официально мы прибыли в Израиль как туристы».

Массовая вербовка наймитов велась также во Франции, Англии, Голландии, Аргентине, Бразилии, ЮАР.

На кровавом счету израильской армии немало «подвигов», сравнимых с преступлениями гитлеровской военщины и американской солдатни во Вьетнаме. Пиратские акты агрессии против сопредельных арабских государств, пытки пленных, убийства раненых, уничтожение мирных граждан на оккупированных территориях, грабеж, разбой и насилие, динамит и бульдозеры против лагерей беженцев — так применяют на практике полученные знания по «теории» сиониз-

ма израильские солдаты и поселенцы «нахал».

Естественно, что армия расистов и агрессоров, воспитанная на принципах ненависти ко всему человечеству, не может длительное время сохранять высокие боевые качества и начинать загнивать, морально разлагаться. Такие признаки уже налицо. В рядах армии Израиля и «нахал» развивается наркомания. «За два года, — сообщает летом 1975 года швейцарская газета «Трибюн де Женев», — число наркоманов в Израиле увеличилось с 50 до 100 тысяч. Наркотики стали проникать даже в армию».

Политика «пушки вместо масла и анестезии» вызывает рост недовольства среди рабочих, служащих, интеллигенции, молодежи, что проявляется в усилении оппозиции милитаристскому курсу правящих кругов Израиля, росте стачечного движения. За последние три года забастовочное движение в стране приобрело весьма внушительный размах.

Недовольство охватило в Израиле даже армию. По примеру призывников США граждане Израиля возвращают повестки о призыве. Молодые израильтяне Р. Лассман, Г. Нейман, И. Якоби заявили: «Мы не желаем служить в захватнической армии, мы не хотим быть угнетателями и причинять другому народу то, что причиняли нашим родителям и предкам».

Гиора Нейман, брошенный в тюрьму за отказ принести военную присягу, сказал, что он намерен провести за решеткой все три года своей военной службы, но не присоединится к «окупационной армии».

В среде солдат израильской армии растет беспокойство за свое будущее после демобилизации из армии. Как пишет лондонский журнал «Экономист», положение демобилизованных солдат в Израиле крайне тяжелое и «уровень их жизни продолжает падать». Это объясняется тем, что молодые демобилизованные солдаты, устраивающие свою жизнь на «гражданке», с особой остротой ощущают на себе тяжелое бремя военных расходов и налогов. В авангарде этой группы — молодежь. «Молодые мужья в политическом отношении взрывоопасны, как порох, — пишет «Экономист», — поскольку все они — демобилизованные солдаты. Отслужив три года в воинских частях, они хотят сейчас наладить свою жизнь. Во всех крупных городах возникли «группы действия», в которые вошли молодые супружеские пары, и некоторые из них высказываются за самые энергичные меры, такие, как, например, самовольный захват домов, предназначенных для новых иммигрантов».

Не случайно демобилизованные солдаты, признает «Экономист», находятся в рядах антивоенного и антирасистского движения, охватившего ныне Израиль.

Сионистские заправилы Израиля не на шутку опасаются, как бы нынешние выступления трудящихся не стали детонатором серьезных социальных взрывов. Официальный Тель-Авив страшит и то, что социальные конфликты все чаще связываются с требованием покончить с агрессивной внешней политикой Израиля, пойти на мирное урегулирование ближневосточного кризиса, освободить оккупированные арабские территории.

Взросшая способность арабских армий к сопотривлению, опирающаяся на поддержку прогрессивных сил всего мира, показала: не так страшна тель-авивская военная машина, как это пытается представить империалистическая и сионистская пропаганда. Израильским агрессорам и их ландскнехтам неизбежно придется убраться со всех захваченных арабских земель.

Красота родной земли

СВЕТ ЗОЛОТО

**Алексей
НИКОЛАЕВ**

**Фото
Василия МИШИНА**

**Специальные
корреспонденты
«Смены»**

В МОСКВЕ, В ЗАМОСКВО-РЕЧЬЕ, В ЛАВРУШИНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ, В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ... ИМЕННО ТАМ В РАННЕЙ ЮНОСТИ ВОШЛА В МОЮ ЖИЗНЬ ВОЛГА. ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО, ОСОЗНАЛОСЬ ПОЗЖЕ, НО ТОГДА ТАКОЙ НЕОТРАЗИМОЙ ВЛАСТЬЮ ПОВЕЯЛО ОТ МАЛЕНЬКИХ КАРТИН В СКРОМНЫХ РАМАХ И С ТАКОЙ СИЛОЙ ПОТЯНУЛО К ЭТОЙ РЕКЕ, К ЭТОМУ НЕБУ, К ХОЛМИСТЫМ ЗЕЛЕНЫМ БЕРЕГАМ, ЧТО УЖЕ НЕВОЗМОЖНО БЫЛО ПОВЕРИТЬ В НЕСВЫТОЧНОСТЬ ВСТРЕЧИ.

И БЫЛА ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА — КАК ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСТОКАМ; БЫЛИ И ДРУГИЕ. А ТЕПЕРЬ — ПРОШЛИ УЖЕ ГОДЫ — НЕ МОГУ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ РОССИИ БЕЗ ЭТОГО ТИХОГО УГОЛКА, СЛОВНО ЗДЕСЬ НАЧАЛОСЬ ТО, ЧТО ОДНАЖДЫ И УЖЕ НАВСЕГДА СВЯЗАЛО С РОДИНОЙ.

На Верхней Волге, между Костромой и Кинешмой, далеко в обе стороны лежит широкий плес. Изрезанный оврагами берег так высоко вознес над рекой березовую рощу, что ранним утром и на закате солнце освещает

деревья снизу, отчего листья кажутся легкими и плывущими по небу, будто зеленые облака.

Облака плывут над Волгой, над старинным городком, в самом имени которого — Плес — шелестит река. Притихшие по косогорам, кривые, мощенные кое-где улицы не могут сдержать буйного цвета репейника и лебеды, густой зеленой стеной подступивших к старинным крашеным заборам. Домики с резными наличниками и геранями на окнах сплошь заросли сиренью, жасмином, шиповником. Кружевные водостоки, кованые флюгера на крышах, тяжелые скобы на вросших в землю воротах — все хранит тихий уют мирного бытия старинной русской провинции. Не найдешь теперь на нашей земле уголка, где жизнь остановилась бы в прошлом веке, не стала она и в Плесе, но любовное бережение старины — стиль жизни этого городка. Есть тому причины особые.

Историческую жизнь Плеса от рождения его дотошные краеведы могут собрать по малым крупицам, но невелик будет итог, хотя и восходит родословная городка к языческим курганным временам. История его скудна достоверными фактами, и драматическое смешивается здесь с забавным. Достоверно известно, что в самом

ГО ПЛЕСА

начале пятнадцатого столетия сын Дмитрия Донского повелел «рубить град Плесо» в качестве сторожевой русской крепости на Волге. В беспокойные годы нашествия ковали здесь из уральского железа знаменитые топоры, равно годные для ратных и мирных трудов; с ними ходили «воевать Казань» и ставить терема и храмы в окрестных землях. Молва ли, правда ли, а вспоминают здесь о знаменитом разбойнике, который «с шайкой подобных себе был ужасом для проезжающих, часто являясь неожиданно там, где его и не думали видеть. Но между делами своего ремесла изредка мешал разбойничье великодушие, способствовавшее величать его Иваном Фадеем».

Простодушие стили искупает сомнение в достоверности, к тому же и неоспоримым историям найдется в родословной Плеса свое место. Так, в славный 1812 год внес городок свою довольно своеобразную лепту. В Плесо было, нынешним словом говоря, эвакуировано Московское театральное училище — событие, как вспоминают очевидцы, всполошившее городок пуще войны. Отчего, представить не трудно: жили тут тихо, богобоязненно, мужики ловили стерлядей, гнали лес в низовые губернии, ходили бечевой, бабы пряли лен, ткали холстину на продажу; в одной лавке торговали дегтем, пряниками, веревками, сахаром, колесами, а тут — балет!.. Сохранившийся документ не даст выдумать лишнего: «Особенно удивляло то, что девушки

Афганский дневник

В этот день, как назло, небеса потемнели от первого снега, и снежинки хлестнули в глаза, значит, летняя песенка спета.

Это значит, что снова зима загуляла по русским дорогам... Как Евгений, сошедший с ума, я от Медного всадника боком.

Лишь единственный солнечный луч вдруг прорезал белесую дымку и, мелькнув на мгновение из туч, закатился с метелью в обнимку.

Склонясь на запад, солнце жгло, тропа то вниз вилась, то круто вползала в гору...

Тяжело я возвращался из маршрута. Куда ни глянь —

хребты кругом, снега да голубые реки. Но я на мир глядел с трудом: от солнца воспалились веки. Я дотянул до кишлака в мечтах о сладости ночлега и, сбросив ляжки рюкзака, лег отдохнуть в тени ореха. Среди гранитов и снегов — десяток хижин глинобитных, десяток жалких очагов — полуживых и первобытных... Старик в халате и в чалме — я приходил в себя покуда — степенно подошел ко мне, и я спросил его:

— Откуда твои прапращуры пришли, в который век, в какое время в угрюмый край, где нет земли, где только вечность да камень? Был странен этот разговор...
— Нет, мы не курды и не персы.
— А кто?
— Спроси у этих гор!
Мы всем соседям инверцы. Я деда спрашивал:
— Ответь, кто «мы»? — И услышал от деда, что «мы» — едва живая ветвь давно исчезнувшего дерева.

А скоро холода, и снег завалит тропы на полгода... Так и живем который век, чтоб не распались звенья рода... Старик с охапкою травы побрел в убогое жилище. Я встал, и нить моей тропы прошла сквозь древнее кладбище. Цветные тряпки на шестах, необработанные плиты — вот что венчало чуждый прах, чужие страсти и молитвы. Кто эти люди? Все равно. Моя судьба к ним не причастна! Но вдруг надгробие одно меня остановило властно. Ладонь к ладони — два следа, два следа в глине обожженной, окаменевшей навсегда, к холодным звездам обращенной. И даже линии судьбы в их отпечатках проступили, как будто были те следы шедевры дактилоскопии, как будто небу говоря в глухой тоске, в надежде смутной: — Здесь лег не кто-нибудь, а я, смотри, ни с кем меня не спутай! Как будто бы ему грозя за все прижизненное время, как будто бы его прося сберечь затерянное племя... Под равномерный гул реки Гиссар сиял в спящей сини. Он вечен был, как две руки, запечатленные на глине.

Весь день пылало солнце, плава льды, вот почему, как признак наводнения, в реке поднялся уровень воды и Майхура поволокла камень.

Конь прядает ушами и храпит, когда его ты направляешь в реку... Не торопи коня, не торопи, он сам найдет надежный путь к ночлегу.

Погладь по холке — он отыщет брод... Но, из стремян освобождая ноги, взгляни: луна взошла на небосвод, и засверкали горы, как чертоги.

подымали ноги в разные стороны, вертели; бабы, которые посмелее, говорили: «Ах, матки мои, как их вертит нечистая сила, как она их подымает!» Некоторые из них плевали, крестились и читали про себя молитвы, другие же, остолбенев от удивления, стояли с разинутыми ртами. Через несколько времени жители города Плеса стали бегать от дома, занимаемого училищем, как от чумы; хозяин же его соглашался заплатить большие деньги за то, чтобы прекратили преподавание чертовой науки...»

Тут уж, чтобы закончить, самое место вспомнить об одном из плесских городничих. По какому-то странному стечению обстоятельств вступил он в должность бедным — буквально ни кола ни двора — дворянином. Но так ловко правил городом, что оставил наследникам несколько деревень с крепостными да капитальцу изрядно... Не припомним ли знакомца нашего давнего?! Да вот беда, говорят, не наезжал в эти места Николай Васильевич Гоголь...

Так проявляются потихоньку контуры жизни провинциального городка, которому «повезло» и в том, что в семидесятые годы обошла его стороной «чугунка»; за глухими лесами сохранились плесские холмы от промышленного бума.

Но если, прожив долгую жизнь, не оставил нам Плес величественных памятников зодчества, как волжские его соседи, и если летописи не припомнят против его имени событий особой государственной важности, какими знамениты окрестные города, то крепко и навсегда вписан Плес в историю отечественного искусства. Тут и разгадка, почему не тронут и так бережно хранят облик Плеса того времени, когда царил здесь последний провинциальный российский век, когда обживать городок стали художники.

Первое путешествие Репина по здешним местам открыло ему, по собственному признанию, новый, спря-

танный академическими шорами мир. Здесь зародилась в его искусстве тематика народной жизни, так мощно и блистательно прошедшая через все репинское творчество. Спутник Репина по этому путешествию Федор Васильев именно здесь почувствовал национальную тему в пейзаже. Юношу буквально потрясла выразительность здешней природы. Тогда он сумел сказать об этом в «Волжских лагунах» и с удивительной силой завершить в знаменитом «Мокром луге»... Здесь, в обозримых окрестностях Плеса, создавал Саврасов своих «Грачей» — картину, совершившую, как известно, переворот в русском пейзаже...

И все же ждали еще эта природа, земля, Волга и городок на зеленом берегу своего певца. Ждали художника, чьи картины обладают для нас такой завораживающей притягательной силой, что многим трудно представить себе русский пейзаж без этого тихого уголка нашей земли.

Говорить о том, что Левитан открыл Плес, а Плес открыл Левитана, стало уже общим местом. А между тем в судьбе художника, как и в судьбе маленького городка, им воспетого, произошло поистине чудо. И странно представить теперь, что чудо началось с разочарования.

Как горькая исповедь, почти отчаяние, звучит его письмо к Чехову: «Ждал я Волги, как источника сильных художественных впечатлений, а взамен этого она показала мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заняло сердце и явилась мысль, не уехать ли обратно? И в самом деле, представьте себе следующую беспрерывный пейзаж: правый берег, нагорный, покрыт чахлыми кустарниками и, как лишаями, обрывами. Левый... сплошь залитые леса. И над всем этим серое небо и сильный ветер. Ну, просто смерть... Сиджу и думаю, зачем я приехал? Не мог я разве дельно поработать под Москвою и не чувствовать себя одиноким и с глазу на глаз с

громнадным водным пространством, которое просто убить может...»

Вряд ли нужно винить в таком состоянии художника гнилушу, промозглую весну и худое, дождливое лето, которые выдались на Волге в том 1887 году. Истинную причину тяжелого разочарования отыщем мы в тех же строках приведенного письма. Левитан говорит о «беспрерывном», «громнадном пространстве», и это объясняет многое. До сих пор он знал и любил иную русскую природу. После интимного, камерного пейзажа Останкина, Звенигорода, с его мелкими формами, отчетливыми подробностями рельефа, эта почти космическая беспредельность, неоглядные пространства, уходящие за горизонт, подавили Левитана. С точки зрения психологии творчества объяснить такое состояние можно чувством растерянности, которое испытывает большой мастер перед неведомым, — ведь здесь стоят художественные задачи, ему еще не известные.

Не хочется думать теперь, что было бы, поддайся Левитан этому первому настроению и если бы победило смятение чувств, свойственное тонкой и нервной его натуре. Но победил художник.

Трудно представить, как жил, чувствовал, искал Левитан в эти дни первой своей плесской весны, но очень скоро вслед за отчаянным письмом Чехов получает другое: «Я никогда еще не любил так природу, не был так чуток к ней, никогда еще так сильно не чувствовал я это божественное нечто, разлитое во всем, но что не всякий видит, что даже и назвать нельзя, так оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью».

Он уже сделал первый шаг к истине — полюбил.

Но не сумел еще коснуться истины. Для этого нужно перешагнуть барьер неуверенности: «Может ли быть что трагичнее, как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать

сокровенную тайну... и не уметь, созная свое бессилие, выразить эти большие ощущения...»

Достаточно посмотреть этюды Левитана, писанные в его первую поездку на Волгу, чтобы увидеть, как сила любви к природе преодолевает неуверенность. Эти этюды — свидетельство состояния художника и его исканий. Иногда это несколькими мазками мгновенно схваченное освещение. Иногда кисть в каком-то неистовом порыве, экстазе ищет и находит ту широту, тот пространственный размах, который пугал, завораживал Левитана и который, как начинал он чувствовать, составляет самую суть, сердцевину этой природы.

Левитан работал все лето как одержимый. Легкость, артистизм, виртуозное владение цветом, с помощью которого умел он передать всю гамму чувств от поразившего его пейзажа, — все это было в этюдах, написанных на маленьких картонках, дощечках и даже крышках от сигарных коробок. Доволен ли был художник, мы не знаем. Но пока еще он видел в волжской природе то, что так глубоко и проникновенно умел чувствовать и выражать раньше, — ее эгегические мотивы.

Написанные по этюдам первые плесские картины «Разлив на Суре», «Вечер на Волге», «Пасмурный день на Волге» стали украшением зимней Передвижной выставки. К тому времени Левитан уже был художником, от которого «ждут», и на этот раз ни публика, ни критики в ожиданиях не обманулись. Картины молодого маэстро (Левитану исполнилось двадцать семь лет) были по-прежнему блестящи и даже новы сюжетно. Первые плесские работы еще больше закрепили за художником славу «певца сумерек», к тому же это было в духе времени. Только очень немногие могли уже тогда увидеть, что Левитан стоит на пороге чего-то нового, еще неизвестного.

Прощай, мой ненадежный друг,
нам не о чем вести беседу.
Ты вожжи выпустил из рук,
и понесло тебя по свету.

В твоих глазах то гнев, то страх,
то отблеск истины, то фальши...
Но каждый, кто себе не враг,
скорее от тебя подальше.

Спасать тебя—предать себя.
Я лучше отступлю к порогу,
не плакальщик и не судья,
я уступлю тебе дорогу.

Коль ты не дорог сам себе,
так, значит, я тебе не дорог...
Как ворох листьев в октябре,
шумит воспоминаний ворох

о времени, когда гудел
январский лес в ночи морозной,
а ты в глухую в ночь глядел
и любовался ширью звездной.

Храним призываньем и судьбой,
глядел в грядущий день без дрожи,
и были оба мы с тобой
друг друга лучше и моложе.

Воспоминание о спорте

В бедной юности, сплывшей, как дым,
я, как все, был азартен и пылок,
но в забегах держался вторым—
не люблю, когда дышат в затылок.

Круг за кругом, но не отставай...
Шаг за шагом—печатай по следу...
Он лидировать хочет—пускай!
Но, когда он поверит в победу,

Надо сделать усилие вдвое
и скользнуть элегантно тенью,
вырывая фортуны из рук
у забывшего цену мгновенья!

Финиш!
Лента!
Хронометры—стоп!
Оркестранты дубасят в литавры...
Мой соперник схватился за лоб—
здесь должны шелестеть эти лавры!

Проклиная за глупость себя,
он упал на зеленое поле...
Взятки гладки, мой друг, и судья
расписался уже в протоколе...

Не горюй! Мы еще победим!
Кто тогда победит, неизвестно...
А сегодня нарушим режим
в честь второго и первого места.

Есть дорога, земля и вода,
сладкий дым путевого ночлега,
сила в мышцах и в небе звезда—
все, что надобно для человека.

Есть дурманящий вкус новизны,
зов пространства и женские взоры...
Я дождусь и с грядущей весны
отправляюсь в небесные горы.

Там шумят снеговые ручьи,
там созвездья склоняются к высям...
Не перечь моей воле, молчи.
Мир прекрасен, а дом ненавистен!

Есть четыре заветных стены.
Полка с книгами. Души любимых.
Руки матери. Очи жены...
Что ты ищешь в туманных глубинах?

Есть гнездо на ветру мировом,
есть хоть несколько найденных истин...
Оглянись ради бога кругом—
дом прекрасен, а мир ненавистен!

Ты не понял, что древняя связь
пролегла между домом и миром
и ее, равномерно боясь,
обозначило сердце пунктиром.

Две мучительных страсти твои
примирит золотая середина.
Ты немного еще погоди,
и сольются они воедино.

Когда взошли на перевал,
то распрягли кобылу
и порешили, что привал,
что дальше не под силу.

А море где-то в двух шагах
без умолку гремело,
катилось к берегу и—а-ах!
взрывалось то и дело!

Над нами плыли облака
с полудня и до ночи,
и я тогда смежил слегка
натруженные очи.

Свалился на земную грудь,
к ней приложился ухом,
к той самой, что когда-нибудь
да будет легким пухом!

Рисунки Сергея МОНИНА

Чувствовал это и художник, потому что, отказавшись от заманчивых предложений, ранней весной, вслед за ледоходом, снова уехал в Плес. И снова писал как одержимый. Но теперь он уходил работать подальше от города,—ему мешали, и, как это ни странно, «виноват» был он сам. Дело в том, что первые плесские картины не только заметили на выставках, но и дали им весьма своеобразное «толкование»,—в тихий, забытый богом уголок из Москвы и Петербурга хлынули дачники. Это было похоже на нашествие. Немоощная набережная, кривые улочки по косогорам запестрели цветными зонтиками, белыми платьями женщин и темными сюртуками мужчин. В тихую провинцию столичная буржуазия вносила свой стиль. Рядом с лавкой, торговавшей дегтем и пряниками, рассудительный антрепренер завел летний театр; играли «Прекрасную Елену» и «Короля Лира»; играли скверно. Не дремали и акционеры: у берега поставили сразу четыре дебаркадера конкурирующих пароходных компаний—«Самолет», «Кавказ и Меркурий», «По Волге» и «Русь». Акционеры, купцы и дачники веселились. Это раздражало Левитана, как военная музыка в городском саду. Он уходил далеко и писал с утра и до заката.

На высоком холме, среди словно прислушивающихся берез, белел большой зонт художника. От розовых стволов ложились на косогор длинные прозрачные тени; они точно потягивались в сонной истоме, разбуженные утренней свежестью. Левитан ощущал это почти физически, так близка была природа его чувствам. Он писал с упоением и страстью. Отсюда, из прозрачно-зеленого сумрака березовой рощи, открывался вид, который вбирал в себя весь мир, и мир этот делило надвое плавное-спокойное течение Волги. Могучая и изменчивая красота реки манила к себе таинственной неизмеренной силой.

Волга «говорила» цветом, и от безмолвного этого языка у Левитана замирало сердце. Застенчиво-розовый утренный румянец вздрагивал на воде и, чуть подернутый прохладной свежестью, неуловимо теплел, таил, и к полудню река вбирала в себя пронзительно-ослепительную синеву неба. Когда синь казалась нестерпимой и Волга лежала индиговая, от горизонта медленно тянулось ледниковой белизны облако и, останавливая ленивый ход, ложилось вполнеба, замирало и точно шуршало на солнце в дремлющем невесомом мареве, а насытившись полуденным блаженством, медленно багровело и наливалось тревожными красками. Мареву густело, опускался, заволакивая все вокруг, холодный свинцовый оттенок, и, как разорванные паутины, быстро бежали по небу частые клочки облаков. Ветер с ливнем налетал стремительно. Березы металась, как перепуганные, и уже не видно было ни оттенков, ни берегов—Волга и небо сливались в одну, все поглотившую стихию. И так же неожиданно грохот сменялся тягучим гулом, потом шумом, а через мгновение отскакивающие от реки капли блестя в пробивающемся где-то свете. Потом в тишине, упавшей, как и грохот, с неба, чуть вздрагивали на тонких стебельках еще не успокоившиеся листья, и с высоты шел непонятный, неохватный, но торжествующий свет. Он бил сквозь разметанные, лишенные контуров облака, а коснувшись воды, упруго уходил в небо. Небо, как молнией, рассеченное наискось этим светом, казалось кисейным и рвалось от легкого прикосновения невидимого ветра. А когда облака, так и не открыв солнца, вместе с солнцем свалились за горизонт и по кромке берега за клубился туман, заплывав в низины оврагов, Волга лежала спокойная и смуглая—цвет молока из русской печки,—и теперь казалось, что не небо—река излучает свет, а небо вбирает его со всеми меняющи-

мися и неуловимыми в этой перемене оттенками.

Левитан подумал, что в этот один день, в мелькающей череде мгновений, природа прожила целую жизнь во времени и пространстве. Он хотел остановить на холсте это мгновение, остановить так, чтобы в нем пульсировала жизнь природы. Мгновение ускользало. Небольшие прямоугольники этюдов сменяли друг друга. Левитан писал, искал и, кажется, находил, но, всмотревшись в свежий влажный этюд, бросал кисти, брал мастихин и выскребывал до грунта все, что создавал с такими сладкими и тяжкими муками.

В мучительной работе шло постижение природы, выражение которой—он чувствовал это—требовало нового мастерства. На Волге Левитан понял, что прежде, с таким трудом найденные, выверенные и до совершенства отточенные приемы передачи воды, неба, зелени с помощью цвета здесь были бессильны. И только теперь начал он открывать сокровенные тайны иной, неведомой ему раньше тональной живописи. Он понял, что передать эти бесконечные, беспредельные развороты пространства с мгновенно меняющимся освещением можно только с помощью перехода одного тона в другой. Он понял это, и когда под сильным первым впечатлением в этюде прорывались буйные солнечные краски, которые сами по себе казались правдивыми и точно отражающими натуру, художник, открывший теперь «сокровенную тайну» новой живописи, обуздывал их и цвет превращал в тон.

Волга подарила ему это откровение. Но Левитан не был бы Левитаном, если бы только техника и формальные живописные открытия одни были компонентами его искусства. Да, он умел передать на полотне, как плещется вода о почерневшие от сырости борта лодок, и передать так, что, кажется, сам ты слышишь этот переливчатый

плеск; он умел написать бегущие облака так, что, стоя перед картиной, испытываешь легкое головокружение, какое бывает, когда долго смотришь в небо; пробивающиеся сквозь листву солнечные блики он умел написать с такой степенью достоверности, что, глядя на них, чувствуешь мягкое прикосновение тепла... Этому Левитан учился всю жизнь и довел до совершенства в волжских своих картинах.

Но не это было главным. Левитан стремился постичь самую душу родного пейзажа и, будучи по призванию психологом природы, изображал ее внутренний мир, то, что за сюжетом живет своей эмоциональной жизнью. Как некогда в Подмосковье постиг он мягкую интимность русской природы, уголок ее души, который трогает самые тонкие струны и заставляет замирать сердце, так здесь, на Волге, начал он постигать ее раскованность и захватывающую дух широту.

Поездки Левитана в Плес одарили нас новым «узнаванием» России. Это драгоценное чудо. Но они совершили чудо и в душе самого художника, ибо здесь обрел Левитан незнакомое ему прежде мироощущение. В столь любимые им эстетические мотивы мягко, но властно начинает входить светлая мелодия. Она мелькнула в картинах «После дождя. Плес» и «Вечер. Золотой плес». Только мелькнула. Первым увидел это Чехов. Он долго смотрел привезенные из Плеса работы, а прощаясь, сказал: «Знаешь, в твоих картинах появилась улыбка».

Улыбку Чехов заметил, когда не были еще написаны такие шедевры волжской сюиты Левитана, как «Золотая осень» с ее ошеломляющим мажором и «Свежий ветер», где все звенит в торжественной монументальной мелодии раскованной радости. Это будет потом.

Будет, потому что здесь, на Волге, Левитан почувствовал такую привязанность к русской природе, повзвать

которую уже были не в силах никакие красоты иной земли. Он трижды ездил за границу, видел пейзажи удивительной красоты, но на берегу Генуэзского залива вспоминал Панин дуг и писал в Россию: «Зачем я здесь? Что мне нужно в чужой стране, в то самое время, когда меня тянет в Россию и так мучительно хочется видеть тающий снег, березку...» Потом — Чехову: «Сиджу у окна и смотрю на Монблан. Величаво до трепета... Пытался несколько раз писать — ни к черту!»

Он писал в Швейцарии, в Италии, в Финляндии, писал прекрасно, со свойственным ему блеском и артистизмом, но его сердце, его искусство оставались в России. В России осталась природа, с которой одной мог он говорить задушевно, как с собственным сердцем. Потому и манили его от чужих красот Соборная гора, березовая роща над Волгой, маленький заштатный городок с кривыми улицами по косогорам, заросшими лебедой и репейником, с домиками в резных наличниках и гербами на окнах...

Манит Плес и нас, и удивительно, но мы уже не можем представить этот

тебя родным, единственным, неповторимым. Потому что, выбирая эти мотивы, художник обращается не столько к нашему взгляду и разуму, сколько к сердцу, показывая природу не как «объект изображения», а как камертон человеческой души.

Может, именно поэтому, глядя теперь в музеях на пейзажи Левитана, мы поражаемся не столько красоте природы, сколько богатству и глубине человеческих чувств, с такой силой откликающихся на родную природу. И как бы прилежно ни рассматривали мы в музеях картины Левитана, как бы искренне ни восхищались «непревзойденным мастерством пейзажа настроения», нужно прислушаться к словам Паустовского об одном из самых любимых им русских художников: «Лучше всего Левитана можно понять и крепче всего полюбить в глубинах страны, столкнувшись лицом к лицу со всем, что было его поэзией».

Мысль эта, простая и емкая, зовет в Плес. Теперь там осень — любимая пора Левитана. Утром холодный ветер высинит до нетерпимого блеска Волгу, пустит по индиговому плесу белые

городок без картин Левитана. Кажется, сказали они о русском пейзаже все, но здесь невольно ловишь себя на искушении сравнивать...

Сколько таких же безвестных мест во Франции прославлены современниками Левитана — импрессионистами, и кто из нас не восхищался их картинами! А восхищаться есть чему: и поразительным открытиям импрессионистов в области света, и исключительной остроте взгляда, и глубокому анализу природы. Однако, понимая, осознавая это блестящее, умное, но все же «препарирование» природы, мы чувствуем, что прекрасные эти мастера не оставили нам, зрителям, места для сопереживания. Картина постигается только разумом... У Левитана же живопись — из области чувств. Он не стремится поразить нас какими-то эффектами или красотами пейзажа. Ну какая, в самом деле, красота, эстетика в болотных кочках, чахлах кустарниках, сумрачном мокром небе!.. А взглянешь на холст — так и пахнет на

гребешки, и зазвучит, зазвенит ослепительный ветром простор. Ветер отзовется в кривых улочках городка, как в струны, ударит в облетевшие ветки закрашенными заборами, тронет багряное золото березовой рощи на высоком холме, а когда утром и на закате солнце осветит рощу снизу, будет казаться, что легкое золотое облако, качаясь, плывет над волжским плесом.

К закату лягут на Волгу левитановские туманы, и меняющийся цвет ранних сумерек будет так же ускользающе-неуловим, как и в его пору. Над туманами опустится глухая осенняя ночь, и тогда из оврагов потянет пряными грибными запахами. Запахи так сильны, что их слышно на пароходах. Осенью пароходы блуждают в туманах и ходят без расписания. Ночью их угадаешь только по гудкам да по мачтовому огню, который один тихо ползет среди неподвижных блестящих звезд.

Может быть, это ваш пароход подходит к плесской пристани?..

СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Владимир СВИРИДОВ

Он увидел ее издали. Она сидела неподалеку от клумбы пунцовых маков и листала журнал. Это была длинноногая натуральная шатенка в голубеньком платье с предельно волнующим декором.

Он уже давно ощущал потребность хорошенько встряхнуться, нарушить надоевший своей занудливой нескончаемостью цикл: дом—работа—дом. Ему захотелось хоть на немного почувствовать себя человеком, берущим от жизни чуть больше, чем это делает он сам. Он питал добрые чувства к своей супруге, на которую истратил семь лучших лет своей жизни и с которой имел общих чудесных детишек, однако природа требовала новых импульсов, новых эмоций, и поэтому он после долгих раздумий решил несколько видоизменить свой образ жизни. Он было прицелился на посадку, но под ехидно-догадливыми взглядами сидящих рядом с ней старушек переменял курс, лихорадочно отыскивая убедительный для этого дела повод. Квалификация на предмет знакомства с девушками за время супружеской жизни была полностью утрачена, поэтому пришедшая в голову мысль показалась просто гениальной. И он, смело усевшись рядом с ней, развернул газету с кроссвордом.

— Извините, девушка, вы не подскажете синоним слова «поклонник»? Шесть букв по горизонтали.
— Хахаль!—пустил с соседней скамейки мужчина во френче.

Старушки оживленно зашушукались.
— Ухажер, подходит?—с улыбкой спросила девушка.
— Точно. Теперь и по вертикали совпадает.

Они разговорились. Его звали Олег, ее—Татьяна. Разговор петлял по лабиринтам различных жанров искусства,

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

касаясь то поп-музыки, то художников эпохи Возрождения. Олег рассказывал увлекательно. Татьяна с любопытством слушала.

— А что, если мы с вами, Таня, в кино сходим?—неожиданно предложил он.

Она пожала плечами.
— А что смотреть?

— Какая разница, я триста лет в кино не был. Таня усмехнулась.

— Везет же людям, а я пятьсот. В любом случае срок солидный, можно сходить.

— А потом махнем в ресторан, а?—развивал наступление Олег.

Старушки ахнули от такого дьявольского натиска и, застав дышание, ждали, чем все закончится.

— О, да вы, оказывается, профессиональный из шести букв по горизонтали.—Девушка покачала головой и незло погрозила ему пальчиком.

Фильм оказался неважным. Олег остановил такси.
— В «Иверию», шеф!

— Простите, Олег, вы кто—кинорежиссер или так, академик?—не выдержала Татьяна, когда они сели в машину.

Он отрицательно pokrutil головой.
— Ну, тогда продавец или кладовщик?—не отставала она.

И снова нет.
— Просто жулик?

— Инженер, самый обыкновенный инженер,—рассмеялся Олег.—К чему все это?

— Просто так. Надо знать, с кем имеешь дело. Между прочим, у вас размах настоящего кавалера.

— А чем занимается прекрасная дама?—смутившись, спросил он.

— Я?—Она на секунду задумалась.—Я скорей всего специалист широкого профиля.

Заказывала она. Он сидел и про себя тихонько подсчитывал, во сколько это в конце концов обойдется.

— Танечка, пожалуйста, не надо стесняться,—подбадривал Олег.

— А я и не стесняюсь,—нахально заявила она.

Из дому он прихватил недельный семейный бюджет, а тут уже как раз половину один цыплет табака склевали. Пока он соображал и боролся с экономическим кризисом, какой-то длинногривый хлюст увел Татьяну танцевать. Олега царапнула ревность. Хлюст время от времени порывался заарканить ее талию, но она ловко спихивала эти петли, вызывая тайную признательность Олега.

Он все больше и больше приходил к выводу, что она очень даже ничего, и смерил развязного хлюста таким взглядом, что по крайней мере на ближайший квартал отбил у него охоту посягать на чужих дам.

— Очень внимательный мальчик,—кинула в его сторону Татьяна.—Что вы, говорит, девушка, с этим кроликом решили загубить вечер? У меня такое ощущение, что у него либо мозжечок удалили, либо вот-вот посадят за растрату.

— А ты что?—разозлился Олег.—Как на это?

— Я сказала, что ты полковник милиции. Может, говорю, спросить, что у него с мозжечком? А он: «Что вы, что вы, я пошутил!»

Олег молча ругался: сопляк, лижон, хиппи проклятый.

— Ну-ну, пойдем танцевать, товарищ ухажер,—пригласила его Татьяна.

Он обнял ее так, как пытался до этого сделать его патлатый предшественник.

— А ты красивая,—сказал он вдруг.

— Да что вы говорите?—слегка кокетничая, протянула она.—Наверно, император подсказывает.—Татьяна кивнула на бутылку с «Наполеоном».

Потом становилось все веселее и веселее. Она громко смеялась над его остротами, а один раз даже поцеловала в щеку.

Подъезжая к Москве, он взглянул на часы и зевнул.
— Завтра рано вставать, черт бы побрал эту работу.

— Баиньки мальчик хочет? А зевать, кстати, при даме неприлично.

Они поднялись на шестой этаж. Татьяна достала ключи и предупредила:
— Осторожной громыхай, а то маму разбудишь.

Утром она сварила кофе и пару яиц. Уходя, он нежно ее поцеловал и ласково щелкнул по носу.

— А вчера было здорово, а?
Она шаловливо сморщила носик и молча кивнула. Обычно тянувшийся, как жевательная резинка, рабочий день пролетел мгновенно. Олег позвонил домой. К

телефону подошла теща и поинтересовалась, где это он ночью болтался.

— С женщиной! В ресторане!—с размаху залепил он. Теща обмерла от такой наглости, но потом, сообразив, что если бы так было на самом деле, то зять вряд ли стал бы откровенничать, от души отомстила:

— Не с твоей зарплатой по ресторанам баб водить, разве в пельменную?

Олег не обиделся, жаль было хорошего настроения. Вечером он был на речном вокзале. Пароход плыл по есенинским местам. В разнокалиберной толпе, прильнувшей к борту, Олег обнаружил стройненькие джинсы и направился к ним.

— В вас, девушка, есть что-то от Моны Лизы,—тоном кадрового любовника заметил он.

— А в вас от Савелия Крамарова,—отпарировала она и отошла в сторону.

Олег обхаживал ее целый вечер, но она не обращала на него никакого внимания. Наконец он подкараулил ее на корме и, выждав, когда будет поменьше народа, взял за локоть.

— Почему ты меня избегаешь?

— Ведите себя приличней, молодой человек!—Девушка вырвала руку.—Что за хамство?

Олег опешил.
— Но ведь мы так не договаривались...

— А ты как думал? Вчера сполн бедную девушку, деньгами швырялся и возомнил, что все тебе на блюде!

— Она засмеялась.
— Танечка, но ты все-таки моя жена, хватит.

— А ради чего мы с тобой придумали эту игру? Так хорошо! Ресторан, знакомство, кино, пароход... Внимание, ласка—даже чудно. Хоть женщиной себя почувствуешь. Сам ведь предложил.

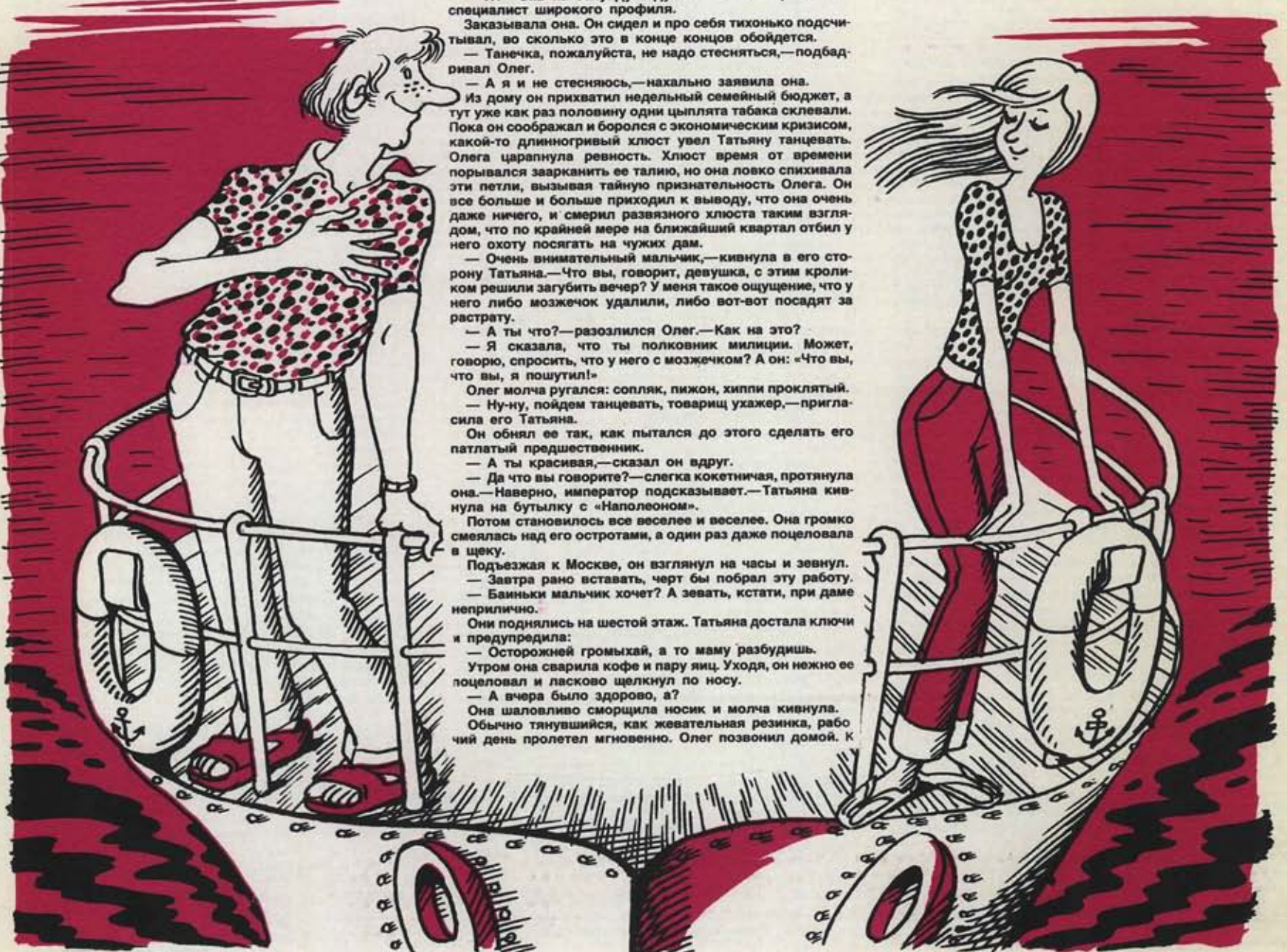

Рисунок Сергея Тюнина

ВИШНЕВ

Июньский полдень томительно душ. Ветра нет. Только далеко-далеко за рекой, за торфяным болотцем с черными водяными окнами, за выцветшей от жары полоской леса на горизонте голубой краешек неба уже чуть припухал темно-лиловой тучей. Если идти к лесу, то за поворотом дороги, за оврагом можно отчетливо разглядеть рубленные домики села, почерневшие стены церкви на пригорке, сосны в сетях галчиных стай. Именно туда и протянется трасса будущей автомобильной дороги первого класса к строящемуся аэродрому. Даже следов этой трассы пока нет. Она только условно помечена на карте красной и черной тушью. Им предстоит сделать ее безусловной. Закончат съемку местности, сделают чертежи, подробно укажут, где что нужно засыпать, снести или скрыть, и уступят черед строителям. Но и сейчас Второв видел ее, как мираж, перечеркнувшую и реку, и овраг, и далекое село с ветхой церквушкой — две глянцево-серые ленты с бархатной зеленой разделительной полосой.

А пока что геодезисты шагали по пыльному проселку, плутавшему среди оврагов и косоогоров, тащили двадцатиметровую измерительную ленту, забивали в сухую каменную глину стальные шпильки, разбивали «пикеты» — ориентировочные точки на будущей трассе, вели подробный журнал нивелирной съемки, куда заносилось все, что соседствовало с ходом пикетажа: дома, сады, колодцы, столбы электролинии.

Их было пятеро, совсем как в старом фильме: Второв — инженер-дорожник уже с десятилетним стажем и четверо студентов, проходивших у Второва преддипломную практику. Практика им, естественно, зачтется, но бригада их отнюдь не учебная — дорстроевская. И укомплектована она не полностью, поэтому каждому приходится работать за двоих. Конечно, профессионалам-дорожникам было бы легче, но Второв предпочел студентов: и сам от них не так уж далеко ушел, да и интереснее ему с ними. Вот и сейчас он оглянулся на своих ребят, крикнул:

— Перекур! — спрятал журнал съемки в планшет, уселся прямо на сухую жаркую землю.

Он любил эти дорожные привалы после долгих переходов, замеров и записей. И не только потому, что походная жизнь рождала свои традиции — за бивуачным столом собиралась его семья. Он не знал иной с тех пор, как покинул институтскую скамью. И лишь в бригаде — на привале, где-нибудь у реки, у костра, в палатке, еле освещенной походным фонариком, или за чайником на постое, а то и просто в неухоженной таежной охотничьей избе — рождалось привычное ощущение домашности, семейности. Другой семьи у Второва не было: вырос в детдоме, а жениться пока не успел. Вот и тянуло его к студентам, любил он их шумные разговоры, по-ребячьи задиристые, без запятых и без пауз. Начинает один, вмешивается другой, третий перебивает... Почему, думал он, не умеем мы разговаривать так же легко и непринужденно где угодно и с кем угодно? Что мешает? Возраст? Задумчивость, приходящая с годами? А эти не задумываются. Разговор возникает, как пулеметный обстрел, едва Костя успел принести ведро с водой из родника в овраге, а Юра достал из рюкзака пластмассовые кружки и полуметровый батон «любительской» колбасы.

— Завтрак на бастионе Сен-Жерве, — говорит Генка.

— А что? Похоже... — подхватывает Юра. — Сергей Петрович, вы у нас, конечно, Атос. Костя — Портос. А Генка, как самый хитрый и вредный, Араמים.

— Стоп! — предупредил Второв ответную Генкину реплику. — Не спорьтесь!

— Да мы и не споримся, — лениво тянет Генка. — Сергей Петрович, скажите честно: что вы о нас думаете?

— В каком смысле?

— Ну, легкомысленные, пустые и тэдэ. Так?

— Нет, не так.

— Значит, просто воробышки?

— Воробышки, — подтвердил Второв. — Только это не порок. Это проходит, и жаль, что проходит. Вон Игорь всюю старается показать, что он уже не воробышек...

Игорь старше однокурсников года на три: пришел в институт после армии.

— Значит, считайте меня капитаном де Тревилем, — смеется он.

Второв оглянулся на пройденный с утра путь. С их «бастионного пригорка» отчетливо виднелся дачный поселок, откуда они тянули ленту. Среди редких берез белели аккуратные шиферные крыши. От дач все к той же речке сползали по отлогому склону квадратики фруктовых садов, разделенные штакетником.

— Капут садовкам, — сказал Генка, перехватив взгляд Второва. — Под бокс обстригут.

Второв поморщился.

— Чем вы недовольны, Сергей Петрович?

— Красоты жалко.

— Красоты? Вот она, красота. — Генка похлопал по второвскому планшету, где лежала карта с нанесенной на нее трассой.

— Не для того сады сажаем, чтобы вырубать их, — сказал Второв. По глазам Кости-Портоса он видел, что парень с ним согласен. Может быть, и ему выделенные стволы яблонь и вишен казались отсюда узорчатой строчкой вышивки по зеленому ситцу берега.

— Разве нельзя их сохранить? — спросил он.

— Можно. Во всяком случае, тут — на откосе. Но только сады. Дачи за ними придется снести.

— Ну и что? Владельцам заплатят.

— Стоимость дач. Дорстрою сады не нужны. Не мешают.

— А если другой вариант трассы? — настаивал Костя.

— Где?

Уже то, что вопрос задал всегдашний молчаливый Игорь, заставило всех призадуматься. А он продолжал негромко:

— В обход поселка? Там болото. Здесь? — Он кивнул на петляющую внизу речку. — Одних труб сколько считать придется! Да мост, да овраг, да эта торфяная кастрюля... Подсчитывали, Сергей Петрович?

Второв кивнул:

— Значительно дороже.

— Ну, не знаю, не знаю, — загадочно протянул Генка.

— Чего не знаешь?

— Может, и придется в эту кастрюлю лезть. Навалится владельца дачек, пойдут по инстанциям. И плакала наша работенка.

— Чувь городишь, — сказал Костя. — Что они, без понятия, что ли?

— С понятием, — подтвердил Генка. — С большим понятием. Вот будет у них собрание с представителями стройорганизаций, они свое понятие и предьявят.

— Не верю, — мотнул головой Костя. — А о садах подумать надо. Как их сохранить?

— Да брось ты свои сады, — обозлился Генка. — Тебе до них какое дело? Мы дорожники. Главное для нас — дорога. А сады — чувь, слюни. Чехова читал? Всякие «вишневые сады» обречены исторически.

— Дурак ты, Генка. При чем здесь Чехов? Мы строители. Но разве труд человеческий тебе безразличен? Если наша дорога ломает результаты этого труда, значит, мы должны искать другой, оптимальный вариант.

— Какие результаты? Кому они нужны, эти вишневые-яблоньки?

— Мне нужны. Тебе нужны. Тем, кто по нашей дороге ездить будет.

— Ну и ищи его, оптимальный вариант, а я пас. — Генка встал и, демонстративно собрав кружки, пошел к роднику, а Костя улыбнулся, подмигнул Юре:

— Может, и нашли уже, а, Юрка?

— Не трепись, сорока, — быстро сказал Юра и тоже встал. — Кончай перекур! Пройдем еще пару километров, Сергей Петрович?

Скрытный человек Юра не любил говорить «гоп» раньше срока. Второв догадывался о его «оптимальном варианте», услышал как-то нечаянно его разговор с Костей, порадовался за ребят: доброе дело затеяли, хорошо бы удалось оно. Однако ни вмешиваться не стал, ни помогать им не взялся: пожалуй, впервые студенты столкнулись с проблемой извечной и живучей, и не в книжке столкнулись, не в кино — в жизни. И решать ее надо было им самим, раз уж задела она их. Вот тогда и позвонил мне Второв, позвонил по старой приятельской памяти — заканчивали мы с ним один институт, да только разошлись потом наши пути.

— Приезжай! — кричал он мне в телефонную трубку. — Тебе будет интересно. Может, напишешь кое-чего, а нет — не надо.

Он не просил помочь дорожникам, не требовал со страниц журнала метать громы и молнии в адрес дачевладельцев, не желающих замечать, как пицут в газетных передовицах, «уверенную поступь научно-технической революции». За короткую десятиминутку междугородного разговора он лишь успел поведать мне о своих студентах и о предстоящем собрании, где «копья поломаются, будь уверен».

Я приехал за несколько часов до собрания и успел прокатиться на экспедиционном «газике» по будущей трассе. Увидел и знаменитые сады...

А вечером прямо на берегу речки собрались жильцы поселка: кто на траву уселся, кто принес из дома складные стулья. Пришло человек пятнадцать, не больше. В основном мужчины: седые, бритоголовые, с охристой, задубевшей кожей, руки тяжелые, потемневшие от земли. «Пенсионеры, отставники, — шепнул мне Второв. — Сразу и не распознаешь, кто есть кто». Кроме второвских студентов, молодежи не было. Лишь в последние минуты перед началом рядом со мной на ящик из-под оконного стекла уселась девушка, явившаяся явно из любопытства, протянула горсть семечек:

— Угощайтесь.

— А подметать кто будет?

— Глядите-ка, блюститель порядка нашелся! Вы что, из милиции?

— Точно.

— Врете. Я бы вас знала. Небось, дачник? — И не дожидаясь ответа, спросила: — Наверно, никого здесь не знаете?

— Никого.

— Вон тот, под елкой который, — Веткин. Пятый год в одном пиджаке ходит, а в прошлом году с одной клубники «Яву» купил.

Ее манера разговора напоминала пулемет-пулемет. Вдох — очередь, выдох — очередь, длинная — короткая. Я невольно улыбнулся.

— Чего смеетесь? Правда-правда... А вон та — Салтычиха, Салтычиха Розалия Павловна. — Она кивнула на женщину, сидящую к нам спиной — массивной борцовской спиной, обтянутой желтым вельветовым халатом. — А тот лысый — Жемличка. Рядом с ним без пиджака, видите? Это Лопаткин. А за ними, у дерева, худенький — Скворцов. Все отставники.

— И Веткин?

— Этот нет... Пролез как-то в кооператив...

К берегу подрулил знакомый мне «газик», из него вышли трое мужчин, поздоровались с собравшимися, один из них спросил:

— Начнем, товарищи?

— Раз уж собрались — поговорим, — сказал кто-то.

— Тот, что спросил, — наш председатель, — шепнула мне девушка, — а этих двоих не знаю.

— Пусть товарищи инженеры о дороге расскажут! — крикнул Жемличка.

Председатель поднял руку.

— Минутку внимания. Вот передо мной записка геодезистов, нечто вроде справки... о стоимости строительных работ на поселковом и болотном

ЫШИ САД

участках трассы. Кстати, почему обязательно бо- лотном?

— Где же вы думаете обогнуть болото? — спросил Второв.

— А излучины реки?

— Значит, мостовой вариант?

— Можно спрямить русло.

— Это тоже подсчитано, — сказал Второв.

— Верно, подсчитано, — председатель по дальности читал записку на вытянутой руке, — и подсчет толковый. Но чьи интересы защищают авторы записки? Государства? Нет, строительной организации. Только с этой точки зрения и существенно предлагаемая ими экономия. Но что существенно для государства: копейчатая экономия или труд людей, заставлявших природу служить человеку? Мы создавали сады с сорок седьмого года. Теперь их и Мичурину не стыдно было бы показать! Мне скажут: приходится иногда жертвовать и садами. Но ради чего? Ради того, чтобы спрямить три километра шоссе ветки. Не слишком ли дорогая цена, товарищи?

Раздался аплодисменты. Один из приехавших с председателем наклонился к Второву, что-то сказал. Тот не ответил, даже не расслышав толком его слов: борьба только начиналась, но начиналась круто, с места в карьер.

— Позвольте мне сказать. — Из задних рядов поднялась худая коротко стриженная женщина. — Может, кто-то меня не знает? Я директор школы в Старцеве. К нам приходили мальчишки-геодезисты... — Она близоруко сощурилась, посмотрела по сторонам. — Вон они! — указала на Юру и Костю, и все повернувшись к ним, рассматривала, хотя и не знали, о чем хочет сказать директорша. — Они дело предлагают. Зачем рубить сады? Их можно объединить в один большой сад на откосе. Там они дороге не помешают.

— А позвольте вас спросить, кто же будет в саду хозяйничать? — запальчиво выкрикнул Веткин.

— Вот я как раз об этом. Мальчишки правильно предлагают: пусть наша школа возьмет шефство над садом. Представляете, какой подарок вы сделаете детям? Можно поставить агротехническое обучение на практике, воспитывать будущих агрономов, селекционеров, мичуринцев. Ведь это даже не мечта, а живая, от вас зависящая возможность...

— Своим, матушка, жертвуй, а чужим не разбрасывайся! — грубо крикнула женщина в желтом халате.

Председатель поморщился.

— Хватит, Розалия Павловна, легче...

— Кому хватит, а кому и нет! Мы свое горбом зарабывали, слезами и потом. Кто скажет, что неправду говорю?

— Я скажу! — выкрикнул Веткин.

— Ты? С ума сошел...

А он даже вырвался вперед, качнулся, будто кто-то подтолкнул его сзади.

— Горбом, говоришь? Чьим только? Чужим, красавица...

— Это домработница, что ли?

— Кроме! Весной у тебя сколько работало?

— А у тебя?

— И у меня, красавица, и у меня! — Он захохотал так визгливо и неправдоподобно, что никто даже не улыбнулся.

«Похуже на истерику, — предположил Второв. — Или «под мухой»?» Но Веткин говорил трезво и насмешливо.

— Мы с тобой, товарищ Салтыкова, как два караса на одной сковородке. С каждого по способностям — каждому по холке. С изъятом всего благоприобретенного на нетрудовые доходы. Чик-брик и — на сковородку. Спрыгнешь? Хрен-то... — Он пошатнулся.

— Пьян! — взвизгнула Салтычиха. — Почему на собрание пьяных пускаем?

— Шел бы ты домой, Иван Палыч, — раздраженно сказал председатель. — Только людям мешаешь.

— Пог... годи, — запинаясь, сказал Веткин. — Я не мешаю. Я разъясню. Железный закон марксизма: переход личной собственности в частную. Плохо

газеты читаешь, Розалия Павловна, — обернулся он к Салтычихе. — Где нзманы? Где кулаки? То-то... А теперь наш черед. Конечно, мы не хищники, так себе — грызуны. Но в коммунизм нас с тобой не пустят, будь спок.

— Не пустим, — весело подтвердил Юра. Он стоял, весь подавшись вперед, явно порываясь говорить. Костя тянул его за штаны, он отмахивался. — Дайте мне слово, товарищи.

— Вам? — удивился председатель.

— Я не член кооператива, но живу сейчас в этом поселке. Можете не считать меня при голосовании, но сказать разрешите.

— Да никто и не запрещает, — пожал плечами председатель.

Он словно подчеркивал своим холодным дипломатическим равнодушием всю неуместность Юриного выступления...

— Почему никто из вас не откликнулся на слова директора школы? Я слышал, кто-то сказал: не ко времени ее предложение, — начал Юра с неудержимо накапливающим гневом. — Вам нужно, оказывается, особое время, чтобы садом пожертвовать. Слово-то какое: по-жерт-во-вать! Не просто сделать доброе дело — детям сад отдать, а пожертвовать. Да вы скорее под топор их пустите, чем задаром с ними расстанетесь. Бросьте, товарищ председатель, не машите рукой. Я только случая ждал, чтобы высказать все это. Вам всем, хотя темно уже, и лиц ваших я не вижу. Жизни у вас нет никакой, кроме ваших огородов да ягюдинок. Про-по-лоч-ка, — передразнил он кого-то. — В клубе старые допотопные крутят, самим кинемеханикам тошно. Даже спортплощадки в поселке нет. Хочешь в волейбол играть, тни сетку поперек улицы. А у вас, простите, один-разговор задушевный: о навозе. На днях иду за водой к колодцу, смотрю: вы собрались. Сидите на бревнышках, разговариваете: какой навоз лучше — конский или коровий. Кто-то машину конского из цирка пригнал, а кому-то, бедолаге, приходится на выгон ходить, коровьи лепешки собирать. Слушал я эту дискуссию и усомнился: неужто это они Берлин брали? Не верю!

— Юра! — предостерегающе позвал Второв.

— Не верю! — упрямо повторил Юра и сел, даже не посмотрев на Второва.

Стало тихо, как на реке перед рассветом. И так же серел туман за кустами, подползавший с оврага.

— С меня довольно. — Председатель поднялся со стула, но неожиданно встал полковник Жемличка, сказал глухо:

— Погоди. Собрание не кончилось. Я парнишке отведу. Запал у тебя хорош, сынок, а пристрелка неточна. Не веришь, что мы Берлин брали? Брали, удостоверено. И я и Женя Скворцов — оба в одной армии. А Лопаткина Якова Семеновича как раз на подступах к Берлину ранило: с тех пор на протезе. Так что обвинение неверное, зря обидел. Да что там: скинем его на твою молодость и на полемический задор, как в газетах пишут... Конечно, Берлин не вчера был, успели состариться. Да только от дела не ушли. Вон Скворцов и сейчас лекция в академии читает... А что о навозе говорили, так навоз для нас, садоводов, можно сказать, большая химия. И не паршивые наши сады, сынок. Красота — наши сады. К Лопаткину агрономы учиться ездят, саженцы просят. Вот тебе и навоз... Ты, сынок, запомни: кто войну прошел, для кого она — память святая, тот душу за частную собственность не продаст. А тот, кто продал ее, — тут Жемличка рукой вдруг повел: то ли на кого-то указать хотел, то ли просто так, — он либо не воевал, либо и на фронте мародерствовал. И ты прав: таких в коммунизм не пустят. А на предложение директорши и мы ушами не хлопали. Если можно сады сохранить, не мешают они дороге на откосе, так пусть школа забирает их...

— Я тебя перебею, Матвей, — сказал кто-то рядом, едва различимый в темноте. — Я лично в дорогу на болоте не верю. Ни с инженерной, ни с финансовой точки зрения тянуть шоссе в низине не имеет смысла. Значит, пойдет дорожка через наш поселок, пищи — не пищи. Да и не стоит плакать из-за

дач, в другом месте построимся. А вот о садах загода думать надо. И школьный вариант, по-моему, идея. Всех не всех, а многих устроит. Меня лично устраивает. Когда еще дорогу строить начнут, а школа уже осенью сад получит, если мы теперь его передадим ребятам...

Переключка в сумерках вдруг открывала характер говоривших, стержневое, главное в них, оголяла и здоровое и уродливое — не скрыть в темноте.

— Торопимся, проектируем, — недовольно протянул председатель. — Непродумано все... твое предложение, Яков Семенович («Так это Лопаткин предложил! — восхитился Второв. — Лучший сад в поселке... Молодец!»), надо на правлении обсудить, подумать.

— Вот ты и думай. А я уже надумал.

— И я тоже, — откликнулся еще кто-то.

— Да и я, пожалуй. — Второв узнал голос Жемлички. — Кто как, а я завтра в школу зайду. А теперь и по домам пора. Наговорились досыта.

Уходили молча, нехотя, словно осталось что-то недосказанное.

Уже перед самым сном я спустился к реке, сел на бревнышко рядом с Юрой и Второвым.

— Не помешал?

— Нет, — сказал Второв. — Мы о собрании говорили. Вот Юра считает, что я рассердился на него.

— Не рассердились, а недовольны.

— Так точнее.

— Я поторопился?

— Не поторопился, а сказал глупость. Гадкую глупость.

— Я знаю. Я потом подошел к Жемличке, прощения попросил.

— А он что?

— Смеется. Знаете, что сказал? «Горячий ты парень. Я бы тебя на фронте первым в атаку пускал: чтобы противника ошеломять...» — Юра засмеялся. — А все-таки здорово я их шарашнул.

— Помнишь, что Жемличка сказал? Пристрелка не точная.

— Я-таки попал в кого надо.

— В Веткина, — усмехнулся Второв.

— И в Веткина. Но он не один.

— То-то и оно. За эти сады еще бороться придется. Школа их пока не получила.

— Получит. Жемличка с Лопаткиным — сила!

— А Веткин с Салтычихой? Ты их со счетов не сбрасывай, это тоже сила.

— Неужто вы не верите в победу доброго начала? Второв хмыкнул в кулак, сказал строго:

— Друг-мой, Аркадий, не говори красиво. Откуда цитата?

— Из Островского, — протянул Юра. — Нет, правда, не верите?

— Верю, — успокоил его Второв. — Иди спать.

Потом мы шли с ним по темному берегу реки, спотыкались о какие-то коряги, вдыхали мокрый ночной туман.

— Я не о садах думаю, — говорил он. — Сады своего хозяина найдут, о том Лопаткин с Жемличкой позаботятся. Я о своих ребятах беспокоюсь. Сам посуди: две позиции — Юрина и Генкина. Один, кроме своего дела, ничего знать не хочет. Другой все своим делом считает. Кто прав?

— Глупый вопрос.

— Вопрос-то, может, и глупый, а ответ на него каждый из них по-своему придумывает. И ни того не переубедить, ни другого. Я им как-то сказал, что мальчишки они пока. Ошибся, видно. Не мальчишки — характеры уже вполне сформированы, поломать трудно будет. У них жизнь впереди. До-олгая... И таких вишневых садов в ней будет — не сосчитать. Хватит ли у Юры запала его на всю жизнь, а? — И сам себе ответил: — Должно хватить, или я в людях ничего не понимаю. Только трудно ему придется, ох как трудно. Генке-то полегче будет с его равнодушием... — И, помолчав, добавил: — Или потруднее...

Или потруднее, подумал я. Если он сумеет когда-нибудь увидеть, что по сторонам его дороги, им построенной, им спроектированной, лежит мир. Может быть, как раз тот самый вишневый сад.

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

РОМАН

Перевела с болгарского
Евгения СТАРОДУБ

Он замолкает, ожидая, вероятно, что с моей стороны последует горячая похвала, но я молчу. Если наглость таких типов вызывает досаду, то их лицемерная кротость просто отвратительна.

Аплодисментов не последовало, и Спас вынужден продолжать:

— Вся история очень глупая... Короче, у меня есть девушка, не из нашей компании, знакомая по университету. Родители ее уехали. В квартире она одна. Мы договорились собраться у нее, она и ее друзья. И вот, как было условлено, я купил две бутылки ракии и зашел к ней. Но мы с ней поссорились...

Влаев замолкает, чтобы перевести дух или оценить произведенный эффект. Но я сижу с тем же безразличным видом.

— Когда я немного выпью, на меня находит меланхолия. Я подумал, что поступил грубо, и вылез в окошко — мне захотелось увидеть эту девушку. Пошел к ней и пробыл там до глубокой ночи. Мне не хотелось вмешиваться в эту историю мою знакомую, боялся, как бы не узнали ее родители...

Спас замолкает, теперь уже окончательно, продолжая упорно разглядывать свои руки.

— Ваш рассказ проясняет обстоятельства с покупкой ракии и исчезновением через окно, — замечаю я все так же равнодушно. — Но дело в том, что не всякое ваше объяснение соответствует истине. Надеюсь, в данном случае соответствует.

— Это сама правда! — произносит убежденно Спас.

— Тем лучше. Имя девушки?

— Это необходимо? — спрашивает он умоляюще.

— А как же?

— Антоанета Савова.

— Улица? Номер дома?

Со вздохом он сообщает и адрес.

Смотрю, как он из кожи лезет, чтобы казаться раскаявшимся, и думаю кое о чем, что, возможно, прямо не связано со следствием.

— Прошлый раз вы высказали неприязнь к своему отцу...

— Ненавижу его! И никогда этого не скрывал.

Голос Влаева обретает свойственную ему агрессивность.

— На чем основана эта ненависть?

— Как «на чем»? На том, что он оставил меня.

Против этого возражать трудно. И все же я говорю:

— Может быть, у него были причины для отъезда?

— Причины всегда найдутся. Только у него самого был отец, а у меня нет. Отец воспитал его и оставил ему в Австрии большое наследство. Из этих денег могло бы и мне кое-что перепасть. Я бы не жил с этой истеричной женщиной, моей матерью. Да она истеричкой-то стала из-за его подлости!

— А как исчез ваш отец?

— Ему разрешили поехать за наследством, а вернуться он забыл... Мне тогда было десять лет...

— Вы считаете, что он вам испортил жизнь?

— Не только мне, но и матери...

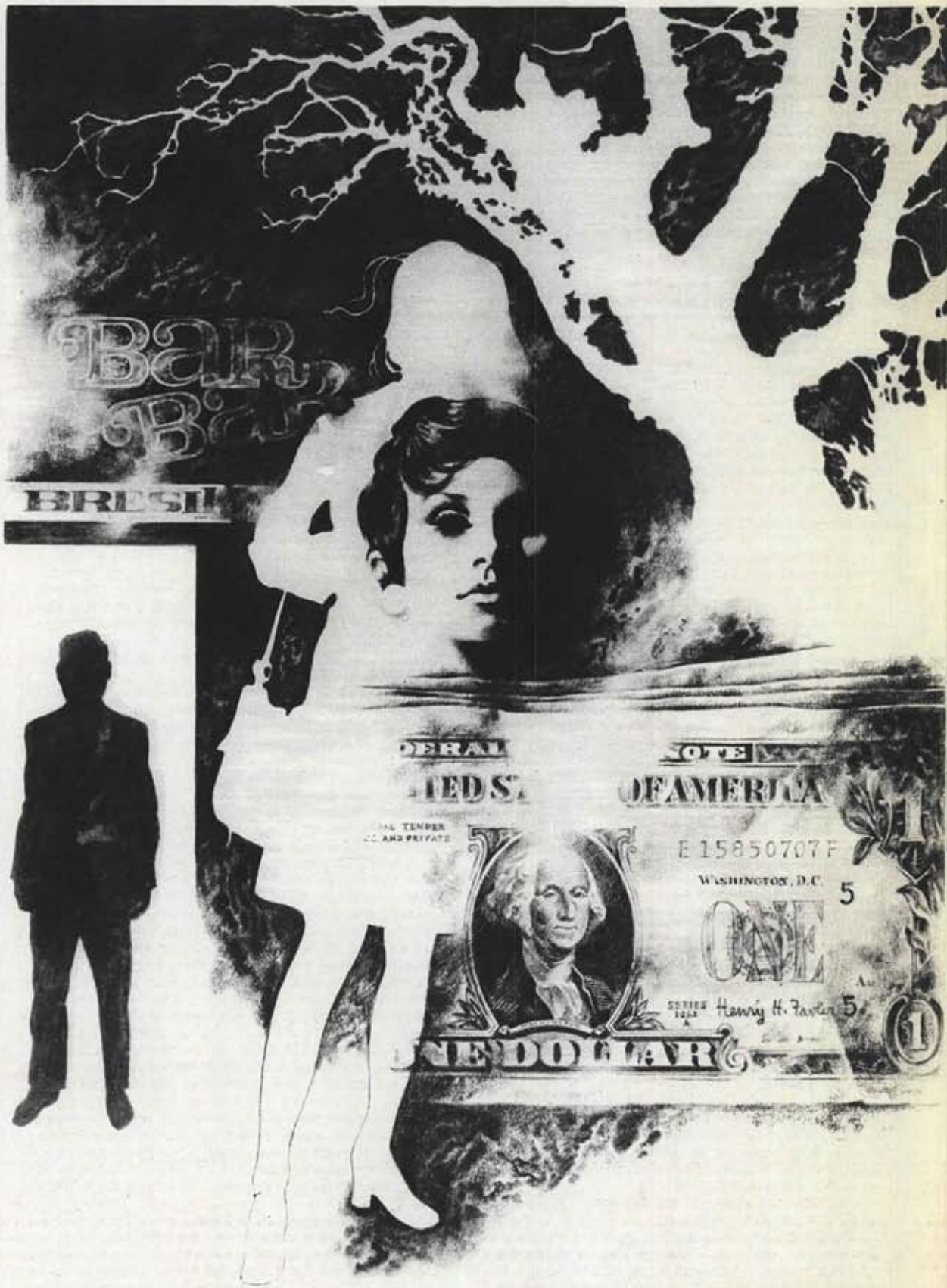
Задаю еще два-три дежурных вопроса. «Трагедия человека-бизнеса: отец убежал вместо того, чтобы купить ему спортивный «фиат», — размышляю я.

Спортивный «фиат» — это сокровенная мечта такого типа людей. Мы были скромнее. Толпились у квартальной лавочки, где давали напрокат велосипеды, и терпеливо ждали очереди, чтобы за пять левов получить опьяняющее удовольствие — покататься полчаса на разбитой машине.

Впрочем, у меня с моим другом Стефчо и этой возможности не было. Пять левов — где их взять? Поэтому мы стояли в сторонке, словно бы безучастно наблюдая за счастливыми. Но у нас все же теплилась надежда: вдруг появится наш сосед и покровитель Кири и покатает нас — сперва одного, потом другого, усадив на раму велосипеда. Эта операция считалась запретной. Хозяин лавочки боялся, как бы не лопнули шины. Поэтому мы ждали Кири за углом...

А теперь — спортивные «фиаты».

Но оставим современную технику и займемся историей с Антоанетой. Эта история подпират два слабых пункта в алиби Спаса: причину покупки ракии и его ночное путеше-

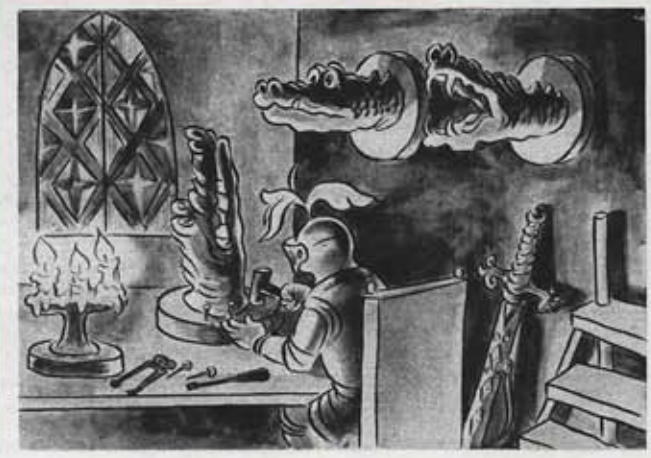

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Михаила МУШНИКОВА

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

РАСТЕТ ТАЛАНТЛИВАЯ СМЕНА

Немало новых шахматных дарований раскрылось на командном турнире Всесоюзной спартакиады школьников, проводившейся во Львове. Золотые медали в этом интересном соревновании завоевала сборная Российской Федерации. Серебро у юных москвичей, бронза досталась команде Грузии, в которой отлично выступили девушки.

О том, как талантлива и эмоциональна игра нашей шахматной смены, рассказывают многие партии спартакиадного ристалища. Фрагменты двух запоминающихся поединков предлагаем вниманию наших читателей.

го рокироваться неприятельского короля. Сначала они жертвуют слона, а затем и качество.

14. Cf1:b5! a6:b5 15. Kd4:b5 Fc7-b8 16. Ld1:d7! Kpe8:d7 17. Fh4-f2.

Скромный на вид, но убийственной силы ход. Вторжение белого ферзя с одного из флангов в тыл соперника парировать в данной ситуации оказывается невозможным.

17. ...Kpd7-e8 18. Ff2-b6 Cf8-e7 19. Cg5:e7 Kpe8:e7 20. Fb6-c5+! Kpe7-d7 21. Lh1-d1+ Kpd7-c8 22. Kb5-d6+ Kpc8-c7 23. Kc3-b5+.

Хотя у черных лишняя ладья, их король находится под перекрестным обстрелом и спастись уже не в состоянии.

23. ...Kpc7-d7 24. Kd6:b7+ Kpd7-e8 25. Fc5:c6+, и черные капитулировали.

Здесь Майя играла черными и тактически искусно, в стремительном темпе взяла верх над своим партнером.

18. ...Fd8-b6! 19. Fc2-b3 Fb6-a7 20. Fb3-b5 Lf8-d8 21. Ke2-d4.

Этот кажущийся естественным и активным маневр находит остроумное опровержение. Но имеется ли здесь у белых удовлетворительный план действий?

21. ...Ke6:c5 22. Kd4:c6 Kc5-b3+!

В кавалерийском прыжке соль коварного замысла черных. Как минимум, они теперь форсировано завоевывают качество.

23. Kpc1-b1 b7:c6 24. Fb3-b6 Fa7:b6 25. Ce3:b6 Cc8-f5+! 26. Cf1-d3 Ld8-b8 27. Cb6-e3 Cf5-g4!, и белые сложили оружие.

ПАМЯТНЫЙ РАДИОМАТЧ

Исполнилось 30 лет с момента проведения памятного в истории шахматных состязаний радиоматча СССР—Великобритания. Он вызвал большой общественный резонанс и завершился убедительной победой советской команды—14:6.

Вот какую энергичную атаку удачно провела тогда в партии против Р. Брюс ленинградка Людмила Руденко, ставшая спустя несколько лет первой советской чемпионкой мира.

На диаграмме отображена ситуация, возникшая после 15-го хода черных. Неожиданной жертвой слона советская шахматистка (она играла белыми) разрушает пешечный бастион вокруг черного короля.

ля и не оставляет сопернице ни малейшего шанса.

16. Cc1:h6! g7:h6 17. Fh5:h6 Kd7-f8 18. Le1-e3! Kc6-e7 19. Le3-g3+ Kf8-g6 20. h3-h4! Ke7-f5 21. Cd3:f5 e6:f5 22. h4-h5 Fd8-h4 23. Kb1-d2!

Подключение к наступательным операциям конницы быстро решает судьбу сражения.

23. ...Le8-e6 24. Kd2-f3 Fd8-e7 25. h5:g6 Le6:g6 26. Lg3:g6+ f7:g6 27. Fh6:g6+ Kpg8-f8 28. Kf3-g5 Fe7-d7 29. Kg5-h7+ Kpf8-e7 30. Fg6-f6+, и черные сдались ввиду неотвратимого мата.

ЭТОДЫ ПИСАТЕЛЯ

К числу самых авторитетных советских шахматных композиторов по заслугам относят Александра Казанцева. Его содержательные, насыщенные оригинальными идеями шахматные этюды многократно награждались на всесоюзных и международных конкурсах. Имя А. Казанцева, чье 70-летие отмечается в этом году, широко

известно в нашей стране и за рубежом благодаря его неутомимой литературной работе в области научной фантастики.

Белые начинают и делают ничью.

Приводим основной вариант решения этого чудесного этюда А. Казанцева: 1. d5-d6! Ka3-b5.

Не менее хитроумно белые добиваются цели после 1. ...Kc4 2. de Kpe5 3. e8K! Ch8 4. h7a3 5. Kpg8 Kp:e6 6. Kp:h8 Kpf7 7. Kd6+ Kpf8 8. K:c4 a2 9. Ke5! a1L! 10. Kd7+ с вечным шахом.

2. d6:e7 Kpd4-e5 3. e7-e8K! Cf6-h8 4. h6-h7 a4-a3 5. Kpf7-g8 Kpe5:e6 6. Kpg8:h8 Kpe6-f7 7. Ke8-d6+!

Неожиданный шах—белый конь неуязвим из-за пата. Самое же пикантное впереди—поистине фантастическая позиция на 9-м ходу, когда в связи с пресловутым патом черная пешка не сможет превратиться в ферзя.

7. ...Kpf7-f8 8. Kd6:b5 a3-a2 9. Kb5-d4! a2-a1 L10. Kd4-e6+ Kpf8-f7 11. Ke6-d8+ Kpf7-g6 12. Kph8-g8 La1-a8 13. h7-h8 K+! Kpg6-f6 14. Kh8-f7, и белые достигают цели.

К такому положению пришла после 13-го хода черных в острейшем варианте сицилианской защиты партия Рафаэля Габдрахманова из сборной РСФСР (у него были белые) с туркменским шахматистом Мухтаром Мухановым.

Белые умело воспользовались ощутимым перевесом в мобилизации фигур и энергичной комбинацией начинают штурм не успевше-

Перед вами позиция, создавшаяся после 18-го хода белых в партии Майи Чибурданидзе с москвичом Олегом Френкелем. Нельзя не отметить великолепного результата Майи: в девяти партиях с юношами юная грузинская спортсменка набрала 7 очков!

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/VIII 1976 г. А 00983. Подписано к печати 2/IX 1976 г. Формат 70×108/16. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2288. Заказ № 2714. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТОЛЬКО НЕ ЛЮБОВЬ...

Слова Людмилы ЩИПАХИНОЙ
Музыка Эрнста МАНВЕЛЯНА

Тает снег порою вешнюю,
Высыхают ручейки,
Облетают над черешнею
Молодые лепестки.

Вижу, веточка качается,
Листья сбросившая вновь.
Все когда-нибудь кончается,
Все, но только не любовь!

Утро вечером сменяется,
Чтоб прийти на землю вновь.
Все на свете изменяется,
Все, но только не любовь!

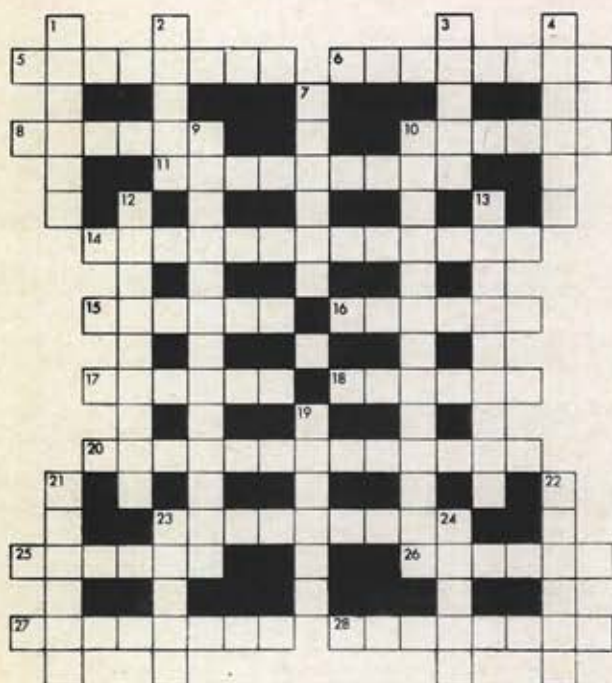
Ошибаемся, печалимся,
Размышляем, что к чему.
И не с тем порой встречаемся,
Доверяем не тому.

Догорят костры осенние,
Гуси к югу улетят,
Подо льдом озера синие
Неподвижные стоят.

Месяц в облаке заблудится
И, сияя, выйдет вновь.
Все на свете позабудется,
Все, но только не любовь!

КРОССВОРД

Составил Д. ТЕТЕРЕВЯТНИКОВ
г. Москва

По горизонтали:

5. Автономная советская республика. 6. Лучший учащийся. 8. Поэма В. В. Маяковского. 10. Массовое собрание для обсуждения определенного политического вопроса. 11. Наука о процессах в почве, питании и защите растений. 14. Напряженность, усиление производительности труда. 15. Спор на темы науки, литературы и искусства. 16. Название серии советских искусственных спутников Земли. 17.

Герой пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем». 18. Широта деятельности, смелость инициативы. 20. Характеристика размеров, веса судна. 23. Часть учреждения, высшего учебного заведения. 25. Птица, символ мира. 26. Персонаж «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина. 27. Поэт, Герой Социалистического Труда. 28. Типовой образец по размерам, форме, качеству.

По вертикали:

1. Ценная промысловая рыба. 2. Приток Оки. 3. Морской двустворчатый моллюск. 4. Советский детский писатель. 7. Работник со средним специальным образованием. 9. Способность материалов противостоять воздействию высоких температур. 10. Система взглядов на жизнь, общество, природу. 12. Указатель, прибор для определения

некоторых физических величин. 13. Механическая обработка поверхности дерева, металла. 19. Многолетнее травянистое растение семейства гвоздичных. 21. Металлические изделия, рельсы, трубы, балки. 22. Южный хвойный кустарник, дерево. 23. Тип, характер, созданный писателем, художником. 24. Город в Смоленской области.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 18

По горизонтали:

5. Темпера. 7. Годунов. 11. Дрожжи. 13. Турнир. 14. Олива. 15. Ватин. 16. «Унита». 17. Айран. 18. Гимнаст. 21. Дальтон. 23. Правительство. 26. Отчизна. 29. Графика. 32. Сорго. 34. Тарту. 35. Купон. 36. Рулет. 37. Боргес. 38. Штатив. 39. «Западня». 40. Аркадия.

По вертикали:

1. Державин. 2. Аризона. 3. Нокдаун. 4. Монреаль. 6. Плинтус. 8. Устрица. 9. Принцип. 10. Филолог. 12. «Гидроцентральный». 19. Агрыз. 20. Таада. 21. Досуг. 22. Левша. 24. Отрывок. 25. Актиния. 27. Интервал. 28. Нерусса. 30. Ряпушка. 31. Фантазия. 32. Сурдина. 33. «Октябрь».

СОЛДАТСКАЯ СВАДЬБА.

ЛЮБА.

ОБЕЩАНИЕ СЧАСТЬЯ

Впервые я увидела полотно Валентины Юдиной на всероссийской молодежной выставке 1972 года. От высоких белых новостроек, уходивших в голубизну неба, исходило ощущение чистоты и юношеской свежести, и невольно думалось, что сама художница должна жить в таком, только что выращенном человеческими руками городе.

Примерно так и оказалось. Валентина Юдина родилась и выросла в Тольятти — городе, в котором даже старожилы не узнают прежнего волжского Ставрополя. Об искусстве мечтала с детства, вернее, и мечтать не решалась, — просто с утра до ночи рисовала в школьных тетрадках. Окончив десятилетку, начала сдавать экзамены в медицинский ин-

ститут и вдруг неожиданно для всех уехала в Пензенское художественное училище. Но... туда ее не приняли. Все же она осталась в Пензе, днем работала, вечером занималась в городской студии самодеятельных художников. На следующий год добилась, поступила.

Каждый день в училище казался счастьем, каждый день нес открытия... После окончания Валентина уехала в Уфу, куда ее направили учить детей рисованию. Там она впервые начала участвовать в выставках, там познакомилась с интересными художниками, стала работать вместе с ними. С Александром Эрастовичем Тюлькиным, старейшим уфимским живописцем, Адией Хабибулловой Ситдиковой, Александром Васильевичем Пантелевым.

С годами у Юдиной выработался свой почерк, свое отношение к искусству. Ее работы привлекают чистотой, душевным изяществом и мягкой женственностью. В них царят тишина и мир.

РАБОЧИЙ ПОЛДЕНЬ.

ЛЕТО.

Нежные полупрозрачные краски. Легкие, но очень четкие линии, тонкий рисунок. Вглядитесь в окружающий нас мир, словно говорит художница, почувствуйте, как он прекрасен и как хрупок...

Последние годы Валентина Юдина пишет темперой по левкасу — сложная техника эта особенно красиво передает фактуру изображаемого, дает возможность выявить эстетику поэзии бытия.

Когда в Уфе была устроена первая персональная выставка Валентины, Александр Эрастович Тюлькин сказал: «Вы должны написать «Алые паруса»! Эта книга создана для вас». «Алые паруса» Валентина пока не написала. Или, может быть, все-таки написала? Букет нежно-розовых цветов на окне, за которым виднеются современные городские дома и детская площадка, — разве не является он олицетворением надежды и обещанием счастья?

Ольга ВОРОНОВА

ГЛАДИОЛУСЫ.

